Николай Косых

Тепло сердец

Русская поэзия

Межрегиональный благотворительный
общественныйфонд «Глас ангельский Руси»

Москва
2020

Свой взгляд на мир

Очередная книга стихов Николая Косых подтверждает тот факт, что поэт становится истинным поэтом только тогда, когда начинает видеть мир по-своему, не так, как другие. И не просто видеть, но и показывать его другим. Стандартное мышление, коему подвержены 99,9% пишущей братии, лишь тормозит развитие национальной культуры, без которой историческое бытиё любого народа постепенно сходит «на нет». А великий народ всегда создаёт великую и, главное, самобытную литературу. К делателям такой литературы, именно литературы уже XXIвека, я отношу поэта Николая Косых.

Мир, созданный им в стихах – не виртуальный, не выдуманный, он вырастает из реалий нашей жизни. Просто поэт смотрит на окружающую его действительность с непривычного для всех ракурса, под таким углом зрения, под которым никто до него не смотрел. Проницательный читатель может сказать самому себе: «Но я же сталкиваюсь с этим каждый день, почему же я этого раньше не замечал?» И при этом поэзия Николая Косых глубоко пронизана духом Православия.

Игорь Гревцев
поэт, журналист, литературовед

Колокола души

Флаг надежды

Флаг российский, царский флаг
Поднимает вера.
Над просторами Руси реет триколор.
А в церквях колокола по ветру развеют
Всю народную любовь в каждый Божий двор.
Там стучатся в дверь сердца миром,
как и прежде.
На планете пульс войны бьётся, как назло.
Миру царский триколор раздаёт надежды,
Как молитвы матерей раздают тепло.
И теплом вздохнёт свеча, матерям поверит.
Божьим светом загрустит, чтоб в лихие дни
Уходили сыновья за святую веру,
Защищать свой отчий дом от самой войны.
От войны, что мир крошит, разливаясь лавой,
И кровавой пеленой застит небосвод.
Русский флаг, российский флаг
затрепещет славой.
Царской памятью народ к вере призовёт.

Две берёзы

Две берёзы смотрят в небо
и в раскрытое окно.
Две московские невесты под дождём
Нежат взгляд и лечат душу
(это Свыше им дано),
Когда ветру что-то шепчут о своём.
Жизнь людей проходит мимо
в вечном шаге от любви:
Просто некогда заметить красоту.
А семейная проблема
после ссоры норовит,
В грех сорвавшись, уподобиться листу.
Он летит себе в избытке
в новоявленный обман,
Задевая совесть, нервы теребя.
Человек скрывает правду,
уводя её в туман,
А потом в тумане ищет сам себя.
Как же хочется обнять
мне российские берёзы,
С грубой нежностью прижать к своей груди.
Гладить трепетной рукой
их ветвистые начёсы,
Пока холод мой порыв не остудил.
Пусть мгновенья пролетят
И нахлынувшие чувства

В жизнь осыпятся, как листья в ноябре.
Память Божьего глотка
Мне не даст забыть, как пусто
Без такой любви в заплаканном дворе.

Свет

Солнце рвётся из оков сна
И включает поутру свет.
И не ведает любовь дна
В этот самый непростой век.
Но теплом сердец народ жив,
Увлекая за собой тень.
И, лучами разбудив жизнь,
В окна совести стучит день.
Ветер рвётся всем нутром в свист,
Облаками теребит свет.
И летит над головой лист
В золотую седину лет.
И ворвавшись в суету душ,
Упадёт в сердечный пульс нот.
По небесной чистоте луж
Зачастят следы людских ног.
Обувь сделает в воде сбой,
Горло вырвет из души «ох!»
И молитва, пропитав боль,
Светлой грустью оборвёт вздох.
Ближе к ночи дождь щемит сном,
И осеннего тепла нет.
И приходит человек в дом,
Чтобы в комнате включить свет.

Колокола души

Наше «всё» утопает в делах,
Как любовь утопает в страданьях.
Травит чувства душевный размах,
Растекаясь в мечтах, как в желаньях.
А потом начинается жизнь,
Чтобы желчью плевать в настроенье.
В души рвётся нервозная слизь,
И в молитвах скребёт утешенье.
Но всему наступает предел,
Накопляя струну раздраженья.
В суете незаконченных дел
Раздирает скандал нетерпенье,
А потом обрывается в боль.
А потом наступает усталость,
И в слезах вспоминается Бог,
Собирая любовь, что осталась.
Утро смотрит на наши дела,
Утопая в безбрежности синей.
И звенят в душах колокола,
Как звенит тишина над Россией.

Крест горечи

А в грехах нет брода,
Вязнешь в них по горло.
Ведь дрожишь от пота,
Только привкус горек.
Пусть и на желанья
Смотришь воровато,
Но душа в изгнанье
Под крестом горбата.
От такой вот ноши
Встанешь на колени,
И молитвы крошишь
Болью во спасенье.
К совести взывая,
Накричишься вдоволь.
И, слезой вздыхая,
Запушишь, как тополь,
Чтобы скинуть разом
Всю греховность в память,
Чтоб рвануться брасом
В жизненное пламя
Всех людских страданий,
Что неосторожно
Цепанул на грани
Чёрствости безбожной.
Не сгорел, но выжил,
Пусть и нету брода.
Да! Остался «рыжим»,

Но обрёл свободу.
Приклонив колени
Перед словом Божьим,
В жизнь вошёл, как в сени,
И в молитве ожил.
В покаянье брода
Нет, но в преклоненье
Полыхнёт свобода
Божьим утешеньем.
Вечный вздох блаженный
Взвалишь осторожно
И свой крест душевный
Понесёшь, как должно.

Сквозь молитву

В чью-то память летит жёлтый лист,
Вдруг сорвавшись осеннею льдиной,
Как, сорвав звонный крик, журавли
Над Россией летят белым клином.
Смотрит небо в созвездье души,
Синевою в глазах полыхает.
И Господь всё, чем вечно грешим,
Колокольной любовью смывает.
Не жалея натруженных ног,
Мы из пекла кидаемся в холод.
В перекрестии пыльных дорог
То теряем себя, то находим.
Век недолог, он в память спешит,
Но и в этих просторах сединных
Колокольчики русской души
Сквозь молитву звенят для любимых.

Огонь шального века

Летит огнём обычный листопад
В обычный день простого человека.
И он готов сорваться в этот сад
С обычной простотой шального века,
В обычные мирские голоса.
А сколько их на матушке-планете
Взывают с восхищеньем к небесам
В тот самый день, когда родятся дети?
Их крик – крик пробуждения любви
В день вековой несётся во вселенной.
Дыханием, трепещущим в крови,
Он рвётся в тишину так вдохновенно,
Как будто в лоно материнских рук.
И, в этой колыбели засыпая,
Он бьётся в сердце чистое:«тук-тук»,
Как в бабье лето осень золотая,
Чтоб был луч солнца материнских глаз
Невинным пробуждением овеян,
И детский крик небесного тепла
Врывался в жизнь простого человека.

Парус земли

Исхожена российская земля
Под парусом благого вдохновенья,
И молятся бескрайние поля
В людских страстях земного притяженья
С той самой благодатной чистотой,
Что причащает храмы детским плачем,
С той колокольной истинной мечтой,
Людские души делая богаче.
Людские души да вдохнут поля
Страстей безбожных всем дыханьем кожи.
И пусть в сердцах истопчется земля,
Но травы пусть в грехах коснутся дрожью –
Коснутся дум молящихся в грехах,
Пусть даже в веру верится не сразу.
Но далеко ли мысли до стиха,
Чтоб в покаянье бросить Божью фразу?
Один лишь шаг преодолеть судьбе,
Чтобы осилить немощи людские,
Чтобы вполне почувствовать в себе
Земные ветры(да еще какие!),
Скользнув в века под парусом любви,
Что причащает храмы детским плачем.
Пусть грех любовью даже даровит,
Зато смиренье делает богаче.

Пот отцовства

Задыхается боль, в грудь орёт,
задыхается совесть.
Задыхается всё,
что казалось таким дорогим:
Всё, что ты полюбил,
ведь порыв раздраженья способен
Раздавить чей-то мир,
хоть и было нажатье благим.
Ну, а ты, что же ты? Всю нетрезвость
благого начала
Кинул в руки судьбы,
забывая тепло детских рук,
Чтоб однажды любовь
повзрослевшего детского чада
Раздавила твой мир
одиноких душевных потуг.
Превращаясь в «ничто»,
твои мысли сгорали как спички,
Приводили грехи
в обнаженное вечное «Я»,
В свой излом, в свой итог,
в общем, в то, чем с рожденья напичкан
Подворотней сердец твой греховный
отцовский изъян.
Ты воистину слеп!
Прозревать от ошибок не просто,
Если сердце дитя

и болит от тебя, и орёт.
Значит, сделал, что мог,
задыхаясь грехами отцовства,
Коль пробил ваши души
молитвой Божественный пот.

Сплетение судеб

Когда в единственном порыве
Грех потерял любовь к любви,
Тянулся к Богу на надрыве
И счастьем жертвовал «на вы»
Наш век причудливых фантазий,
Наш страх запальчивых имён.
Пусть даже был мужик фанатик
В сплетенье судеб и знамён,
Что выбирает жизнь для блага
В блаженной шахматной игре,
Где вся семейная отвага
Горланит матом во дворе,
На всю семейную Россию,
На всю березовую шмель?
К неискушенному бессилью
Рвет необузданность сквозь дверь
В незащищенную квартиру,
В объятья страха и угроз,
Чтоб грех раскачивать, как лиру,
И рваться гневом на мороз.
И там, в объятьях снежной вьюги,
Гнобиться душной прямотой,
Сгорая в холоде подруги
Мужскою пламенной душой.

И уходить в простор улыбок
В церковный колокольный стыд,
Оставив боль своих ошибок
Перед иконами святых.

Лист мудрости

Когда ты Богу каешься в грехах,
В содеянном не ведаешь пощады.
И в этот миг твой отступает страх.
Молись, молись в неистовстве расплаты,
В неистовстве греховного тепла,
В зачатие душевной непогоды,
Ведь ты в молитвах веры не ослаб,
Пока российский грех штурмует годы.
А годы исцеляют на века,
В них моросит серебряная мудрость,
И оттолкнувшись мыслью от виска,
Слетает с губ раскаявшейся мукой.
И в этой муке искренность Креста,
И в этой мысли заповедь Христова,
Пока любовь читается с листа
Сквозь пыль веков серебряного слова.

Перед иконой

Ты только точка, точка в житии
Своих страстей, в упрямстве грешных мыслей,
Ты только след в российском бытии,
Травой застрявший меж осенних листьев.
Ты только увядающая боль
В своих грехах, сомненьях и тревоге,
И молишься, чтобы услышал Бог
Твой колыбельный вздох в конце дороги.
Но, что же ты застрял среди листвы,
Среди полей, лесов на тропах веры?
Всем сердцем постарайся не остыть
К любви Христа, раскачивая вены.
Чтоб побежала боль по всем мирам,
По всей любви безудержной молитвы,
Со всею остротой семейных драм
На поле ругани в объятьях грешной битвы,
В объятиях некошеных сердец,
В дыхании разгневанной планеты.
Ведь ты уже не мальчик, но отец,
Перед иконой жаждущий ответов.
От точки к точке ты проложишь путь
Своих ошибок, нервов и сомнений,
Чтобы однажды светом обернуть
В свою любовь доверье поколений.

И пусть сорвался в веру кувырком,
И светлой точкой вышел на дорогу –
Ты возмужал, чтоб звёздным стебельком
Средь лиственной любви качнуться к Богу.

Молитва матери

Плетут часы минутные волокна,
Сон погружая в лунный мир теней,
И звёздным светом впитывают окна
Зеркальные молитвы матерей.
Взрослеет город от людских стараний
И брызгает огнём мирских страстей,
И всю любовь своих переживаний
Греховным сном хранит среди людей.
Один из них через стекло страданий
Домашнего зеркального окна
Сорвался в звёздный стыд воспоминаний,
Чтобы испить свет памяти до дна,
До самых человеческих истоков,
До самой лжи всей праведной любви,
Всё то, что оборачивалось боком
И расплывалось злом между людьми.
Всё то, с чего всё это начиналось.
Всё то, с чего хотелось доказать.
Всё то, что исчезая, оставалось,
Обматерившись в «господа и мать».
Всё это у оконного проёма,
В зеркальном отражении страстей,
Струилось светом городского дома
В простых молитвах русских матерей.

Утро Софьи

Тополя, березы, клены
Под дождём осенних струй
Разлились как перезвоны
Колокольной негой струн.
И ворвались в утро Софьи,
Как молитвы в жизнь людей,
Оторвав её от ссоры
Разыгравшихся страстей.
А скандал всё время рядом.
Разъярённая душа,
Так орала, что, куда там!
Все стояли на ушах.
У семьи одна похлебка –
Примиренье после ссор.
Да ещё в нагрузку водка:
Как сорвётся, так и в ор.
Разойдётся не на шутку,
Хоть беги из дома вон,
И дудит усталость в дудку,
Словно старый патефон.
Неподвижность негу ловит,
Жизнь торопится к семи,
Надо завтрак приготовить
Для себя и для семьи.
Тополя, березы, клены
Окунулись в листопад,
И в глазах её бессонных

Ночь обид идёт на спад.
Мысли женской непогоды
Софья вздохом оборвёт,
Ведь любовь, глотая годы,
В сердце матери живёт.
И пускай бывает туго,
Для любви размолвка – вздор,
Для неё семейный угол,
Как для веры – Божий дом.
Ну, а в нём свои законы,
Раз у Софьи на уме
Тополя, березы, клены
И любовь к своей семье.

Художник

Посвящается Деткову Н.А.

Срывая жизни паутину
У белоснежного холста,
Художник пестует картину
Мазком, как истина уста.
И свет, что рвётся из-под кисти,
Не растворится в тишине:
Скользнет в тревогу вьюгой истин
И растворит любовь в вине.
И растечётся по квартире,
Восход встречая и закат.
И ветхой мыслью в этом мире
Рванётся млечности река.
Встревожит вздор заворожённый,
Рукой любви лишая сна,
И этот взгляд, слезой рожденный,
Художник вымолит до дна.
И пусть смирение на склоне,
Жизнь одиночеством кровит,
Он растворит мазок в иконе
Душой нехоженой любви.

Миру – мир

Колокольный перезвон
Миром бьёт в планету,
Растрезвонив разговор
Свой по белу свету.
Шепчет, шепчет
Сквозь грехи:
«Дайте людям мира!»
Но они к нему глухи
И несутся мимо.
Мимо правды, прямо в ложь
(То ещё болото!),
Так, чтоб жизнь бросало в дрожь
До седьмого пота.
От войны земля дрожит,
И, не зная меру,
Запад корчится во лжи,
Тычет пальцем в веру.
В горе плавятся века,
Застит кровь планету, –
Но была бы Русь крепка
Да людьми воспета.
Согревала б душу в срок,
Колокольным звоном,
Выносила б на порог
Хлеб да соль с поклоном,

И несла б в сердцах Завет
Ветхой веткой в Новый,
Чтоб в любви тревожить свет
Верою Христовой.

Счастливый человек

Люди в городе живут,
Как ни как, а всё же дома.
Примелькались там и тут,
Что гроза во время грома.
Примелькались во дворе,
Примелькались на работе.
Всё в делах: скорей, скорей,
Шаг за шагом по погоде.
Топчут землю и асфальт
В городском безумном гоне.
А вокруг осенний вальс
В дождевых потоках тонет.
И бросает листья в грязь,
И бросает листья в лужи.
На балкон семейных дрязг
Кинет вздох, и кружит, кружит.
А на лавочке сидит
Человек – дитя столицы.
Память мыслями горчит,
Жмурит влажные ресницы.
А за мыслями его
Жизнь кружится листопадом
И с понурой головой
Душу топчет мудрым взглядом.

И к его седой листве
Льнёт российская истома.
Ну, на то и человек, –
Как никак, а счастлив дома.

Точка

На деревьях ни листочка,
Ветки в стороны торчат.
В небесах маячит точка,
Свои крылья горяча.
Птица ищет, где повыше,
Ближе к солнечным лучам.
Этим златом город вышит,
Рубит зябкостью с плеча,
Рвётся в окна, рвётся в души,
Что вложила память в уши.
Прыгнув в осень с головой,
И срываясь взглядом в небыль,
Взглядом девочки с косой
Заприметит точку в небе,
Что порхает над Москвой.
И, в просторы тыча пальцем,
Кровь желаньем горяча,
Закружиться в детском танце,
Греясь в солнечных лучах.

Бабий век

Утро сонливое, пасмурно-пасмурно, ветер.
Трепетно сердцу, так трепетно, даже щемит.
Дышат снежинисто улицы в зимнем столетье,
Будят февральским дыханьем налаженный быт.
Будят, как женщина будит семейное счастье,
Будят ворчанье мужское и детский каприз.
И отступает сонливость от крепкого чая
Или же кофе, локтем упираясь в карниз.
Ветрено, ветрено улицам, ветрено людям.
И, согреваясь дыханием детских сердец,
Город, согретый ворчанием, просто их любит,
Как эти улицы любит и сын, и отец.
Утро сонливое женщина встретит спокойно,
Снежностью судеб светлы для неё города.
Так и несёт бабий век свой по-женски достойно
В зимние годы любви, не считая года.

Оконная ночь

Ночь бела покоем буден,
В редких окнах влажен липкий свет.
Чей-то храп сон не разбудит,
Если храп усталостью согрет.
Жизнь течёт, как звуки скрипки,
Как течёт дыхание воды,
И надеждой льнёт к улыбке,
Растопив морщинистые льды.
Спит Москва дыханьем ровным,
Тихо мнёт усталостью кровать.
Пусть снега её бездонны,
Но не могут не грешить, не врать.
А любить Россию могут
В подворотнях уличного дна.
И летят снежинки к Богу,
Утешая жизнь покоем сна.
Белым солевым потокам,
Раздвигая ветреность теней,
Ткут они небесные волокна
В мире необузданных страстей.
И о стены трутся боком,
Как о струны медные смычок.
Согреваясь светом окон,
Подставляя памяти плечо.

Ночь ещё царит в поклоне,
Ждут рассвет морщинистые льды.
И сквозь храп в надеждах тонет
Будний день февральской суеты.

Метро московское

По улице, по улице, по улице
Вдоль Кантемировской и прямо до метро.
В день провожает белоснежной спутницей
Зима, едва проснувшийся народ.
И ей не скучно, ну, не скучно ей нисколечко,
Народ ворчит, она ж довольна не в пример:
Кладёт, кладёт эмоции на полочки.
Да вот хотя б того парнишки, например.
А тот словами брани рассыпается,
Видать его терпенье выстудил мороз.
Завёл себя, до одури старается,
Плевком бросая в ноги юный пыл угроз.
По грешности идёт такая «бестия»,
По снежной улице, по улице Москвы.
Да кто же в пост так неприлично беситься?
Но, видимо, к морозу хлопец не привык.
А люди молят небеса за душу грешную.
И душу бранную отмолят, дайте срок.
И рядышком пойдёт подругой нежною
Зима вдоль Кантемировской к метро.
В метро, в метро, в метро стезёй отцовскою
Жизнь, умудрённая словцом, войдёт в вагон.
И в память повезёт любовь московскую,
Оставив за спиной нелёгкий перегон.

Арбатский уют

Над Арбатом текут облака,
Как столетья текут над Москвою,
И светла жизнь России, пока
Люди тянутся к свету душою.
Парень с девушкой снова идут
По годами исхоженной ленте,
Чтоб свернуть в тот любовный приют,
Где во двориках прячется лето.
Не о нём ли шептались века,
Не о нём ли шептались деревья?
И пускай эта жизнь коротка,
Но её не прожить без доверья.
Но её не измерить рублём,
Этой самой «копейкой» хваленной.
Не отложишь судьбу на потом,
В жизнь дворов завернув поименно,
Где, к руке прикоснувшись, рука
Молчаливым томленьем согрета,
Где в улыбках висят облака
Василькового знойного света.
Окунувшись в российский уют,
Ищут лето московские дети…
Вдоль домов по Арбату текут
Наши судьбы ручьями столетий.

Мысли вслух

Работа, работа, работа, работа,
Дом, стирка, квартира, работа опять…
«Зачем же нужна мне такая суббота», –
На кухне ворчит недовольная мать.
Ворчит и ворчит, и ворчит, вот досада!
Да кто же услышит, да кто же поймёт?
А дождь за окном тихо шепчет: «Не надо».
Ну, как откреститься от этих забот?
А руки, согретые русским терпеньем,
Не зная покоя, по-женски добры.
А дождик всё шепчет теплом в утешенье:
«Оставь все тревоги до лунной поры».
Московская женщина тихо вздохнула,
И, встав у окна, всё пыталась понять:
За что ей всё это, за что? И всплакнула.
Потом улыбнулась. На то ведь и мать.
А дети, как водится, только лишь дети –
Да было б им в жизни уютно самим.
А матери много ли надо на свете?
Дождаться любимых, чтоб их накормить.
Всегдашнюю лень приструнить для порядка,
И голос охрипший сорвать на фальцет,
Чтоб взять в оборот суету с беспорядком,
С душой окунувшись в субботний концерт.

Окончится это, возможно, размолвкой,
Потом примиренье разбавит обед…
Суббота субботой, а в жизни московской
Молящийся дождик любовью согрет.

Сосны памяти

Мысли крутят, мысли вертят,
Мысли стонут, не дай Бог!
А Бог даст, и завтра будет всё в порядке.
Приютит людские чувства
подмосковный уголок,
Где всегда найдётся место для палатки.
Ведь меняют люди место,
чтобы просто отдохнуть,
Чтоб московские дела оставить дома,
Чтоб лесным покоем сосен
у костра дышала грудь,
И томилась нервом песенной истомы.
Нервы нервами, а мысли
в радость рвутся через страх.
Жизнь в Москве порой с людьми
играет в прятки,
И пускай, кто ближе к ночи,
запирается в домах,
В жизни той готовят место для палатки.
Пусть готовят, как готовят
стук ступеней этажи,
Как шаги готовит улица родная.
Потому что бескорыстно
помогает людям жить,
Ежечасно провожая и встречая.
Вот и рвутся люди к соснам,

в мир фантазий и идей,
Выставляют нерешённые дилеммы.
А дела они упрямо возвращают
в Божий день
И впрягаются в домашние проблемы.
А насущные проблемы
не для жизни кочевой.
Песни спеты, и закончены дебаты.
И народ чуть подуставший
возвращается домой
Электричками в московские пенаты,
А в пенатах нет покоя. От бессилия дрожа,
В соснах памяти увязнут разговоры,
И, встряхнув дыханье улиц,
разъярённая душа
Снова вырвется в российские просторы.

По кругу

По кругу, по кругу, российскому кругу,
По вечно столичному кругу Москвы,
Случайные люди встречают друг друга, –
В любви человек к этим встречам привык.
Он с этой привычкой идёт по России,
По шёлковой нити простором «Кольца»,
Чтоб мир этот был ослепительно синим
И ветром надежды касался лица.
Касался любви опадающих листьев,
Кружащих по глади осеннего сна.
И пусть омут луж так мучительно близок,
Скользнуть отраженьем до самого дна.
И ноги девчонок, и ноги мальчишек
Разбрызгивают сон, меж домами кружа,
Чтоб радостный крик был Россией услышан,
И мир обезумевший бросило в жар,
Да так, чтоб мысли не прятались в пули,
Устав от кровавой завесы вина,
Чтоб дети столетий однажды проснулись,
Узнав, что на свете исчезла война.
И мирное небо в промасленных лужах
Упрямо застряло глотком синевы,
И листья России, что в осени кружат,
Срывались в столичное сердце Москвы.

Сердце Москвы

От площади Красной
асфальты, асфальты, асфальты
Раскинули нити до самых окраин Москвы,
И в снежных объятьях метели
февральского вальса
Застряли в морозном плену ледяной синевы.
Застряли и люди в заботах,
в делах, в беспокойствах,
Застряли на целую зиму до самой весны,
И в ней прибывают то в радостях дня,
то в расстройствах,
В той будничной жизни,
к которой они голодны.
Играют на нервах прохожих
капризы ребенка,
И мать, не жалея эмоций,
кричит на него.
А он что-то требует,
зло надрывая силенки,
Поскольку устал и замерз,
и теперь сам не свой
А мать – это мать,
обратится к любви за подсказкой,
Чтоб чувством души растопить
той усталости лёд,
И вдруг успокоив каприз
материнскою лаской,

К груди прижимая ребенка, его понесёт.
Метель, заскользив по сугробам,
Шепнет: «Аллилуйа»,
И кинет сыпучую гордость
под ноги людей,
И нежно коснётся дыханья
любовь поцелуя,
И сын встрепенётся улыбкой,
как мартовский день.
Когда же февраль очарует
капель пацанёнка,
И март воспарит гордой птицей
в небесную ввысь,
А звонкая хмель растворит
ледяную пелёнку,
Асфальты свободно потянутся
к центру Москвы.

Пряничная копейка

«Купите пряничек, хотя б один,
Ну, хоть копеечку подайте, люди».
Просила женщина, прижав к груди
Свои ладони:«С вас ведь не убудет».
Всё то, о чём так стыдно повторять,
Что рвётся из груди помимо воли,
Как тот из жерла рвущийся снаряд,
Что так под стать разрыву бабьей доли,
Всё выразил ей молящий взгляд,
Её по-детски вздрогнувшие веки.
Ведь от людей не многого хотят:
Лишь слов, что накопились в человеке.
Да обратите же вниманье на неё.
Ну, что вам стоит? Это ведь нетрудно.
Глядишь, и вас Господь не обойдёт,
Когда вам в жизни станет неуютно.
И вы, переступив через свой стыд,
Попросите копеечку: «Подайте», –
Так тихо-тихо и уже навзрыд.
Так, милосердие своё не предавайте!
Купите пряничек, смирите гонор свой,
Купите, как продукты, как одежду.
Вы тоже в храме просите Его,
Пока в душе лелеете надежду.

Молитвой свои слёзные дела
Вы встретите, как руки полотенце,
Ведь доброта душевного тепла
К беде других согрета русским сердцем.

Порыв души

В церковный дом, любя, войдёт не каждый,
Но каждому в любви доступна эта честь,
Чтобы поплыть корабликом бумажным
Из детства своего в молитвенный ручей.
И будет плыть в грехах до самой правды
Порыв души, что тянет чувства за собой.
Мы впасть в унынье не имеет права,
Чтоб просто Господу доверить свою боль.
Доверить боль, пусть даже и не в храме,
Свой взгляд направив к небу, высказать всё-всё.
Пусть пыль тех чувств в глазах стоит клубами,
Пока признанье этой правды душу рвёт.
Пока, пока покаяться не поздно,
Весь пыльный, вечный страх
стряхнув с дрожащих губ,
Чтоб плыл кораблик памяти
дорогой звёздной,
Свой парус распустив на детском берегу.
На сердце тяжесть, а в душе тревожно,
Сколь оправданьями обиды не лови…
От правды отказаться невозможно,
Как невозможно отказаться от любви.

Полёт

Белоствольная душа
В церкви к Богу клонится.
Чуть молитвою дыша,
Вся в грехах полощется,
Разливается огнём
По полям нетронутым.
И горит в сердцах углём,
Чернотой подёрнутым.
Выйдет в сумерках любви
Обнажённой девою,
И тогда её лови,
Горемыку смелую.
За Россию постоит, –
Не согнуть привольную.
И, подставив ветру лик,
Даст дыханью «вольную».
Полной мерой жизнь вдохнёт
Сила непокорная.
И сорвётся грудью влёт
Совесть сердобольная.
И не даст себя согнуть,
Сбив с лица окалину,
Чтобы светом полыхнуть
В самую испарину.
В поле золотом горит
Красота раздольная,
А в церквях поёт навзрыд

Вера белоствольная.
И, целуя образа,
Веткой к Богу клонится,
Чтоб синели небеса
Среди русской вольницы.

Капли любви

Собачья верность

А собака всё ворчит да ворчит.
То к ноге прижмётся, нервно зевая,
А то вспыхнет, словно пламя свечи,
Задыхаясь от собачьего лая.
Беспокойство успокоит рука,
И улыбка распогодится в слове,
Ведь привязанность моя велика,
Окрылённая ответной любовью.
Ляжет верность на коленки мои,
Сердце вздрогнет и забьётся тихонько.
Перед чувствами любовь устоит –
Зацелует это чудо, и только.
У собаки, что мне спать не даёт,
Время ветром годы в старость срывает.
Вездесущий! Пусть подольше поживёт!
Я прошу и к состраданью взываю.

Беспросветная жизнь

Мой Бог, согрей истерзанную душу,
И дай ей крест молитвенной любви.
Я прикоснуться к Библии не струшу,
Коли грехами память отравил.
Но я готов от веры оттолкнуться
И взглядом полететь за облака,
И в звёзды с головою окунуться,
Чтоб свет коснулся сердца дурака.
Мир был бы пуст без дураков и пьяниц.
А сколько их у Матушки-Руси?
У них в году по шесть запойных пятниц,
А в дом копейку – Боже упаси!
Весьма прискорбный повод для развода
И позднего раскаянья глупцов,
Несущих крест из пьяного болота
С молитвенным прозрением отцов.
Винить себя немного поздновато,
Ведь надо жить, а это нелегко…
Россия пьяной дуростью богата,
А Бог Один прощает дураков.

В осенней колыбели

Все люди разные – любовь одна.
Её ребёнком нянчат в колыбели
От юного восхода то темна,
И крестят детский крик в святой купели.
В том таинстве – греховный путь детей,
Мерило наших взлётов и падений,
Душевный сбор разбросанных камней,
Скандальный путь семейных отношений.
Но будет греть сердечная зола
Тревожный взгляд осенним увяданьем,
Неся другим добро в чертогах зла,
Им обжигаясь, как напоминаньем.
Не будет в жизни лёгким этот путь,
Коль мудрость обретаем через годы.
А вера, что дыханьем бьётся в грудь,
Течёт в крови у русского народа.
Страданье обнажённого греха
Божественна осеннею палитрой.
О, Господи! Любовь моя тиха
И трепетна российскою молитвой.

Упрёк женщины

Всё больше суеты, всё старше годы,
Всё чаще раздражает бабий шум.
И материм ворчливую погоду.
И я её порой не выношу.
А вот, в погожий день дела бросаю –
И за г*О*род с друзьями на пикник.
Под водочку до ночи зависаю.
Затем – в Москву, ведь выбор не велик.
Зато часы, что отдохнул с друзьями,
Минуты, что провёл среди берёз,
Хранятся в моей памяти годами,
Как женщины оправданный разнос,
Мне брошенный в лицо за опозданье,
Чтобы острее чувствовал вину.
Ведь пьяному, какое оправданье?
Ну, разве, что с друзьями отдохнул.
Спасаясь от машинного удушья,
Пакуем жизнь в минуты и часы,
Чтоб дал нам Бог лечить больные души
В берёзках среднерусской полосы.

Глубинка

Хают ночь брезгливые собаки,
Глотки ненасытные дерут.
Дело – дрянь. Дошло видать до драки.
А в деревне это не к добру.
По утру начнутся пересуды:
Кто кого, за что и почему.
А за бабу отношенья люты:
К ней вниманье чьё-то ни к чему.
А пройдёт горячка – разберутся,
Самогоном мордобой зальют,
И по избам мирно разойдутся.
У любви ревнивой норов крут.
Кто родился с головой бедовой,
Лезет в драку, хоть порой не прав.
И ему с любовью бестолковой
Не заснуть до самого утра.
Снова в лес шагая по тропинке
Вспомнит вздох любимой: «Буду ждать»…
А в деревне, чахнущей в глубинке,
Тишь да гладь, да Божья благодать.

Вот жизнь

Собака хроменька на шаг
И поджимает лапку.
С утра все дома на ушах –
Не призовёшь к порядку.
Собаке делаем укол,
Потом второй и третий.
Смотреть на это нелегко,
А ссоримся, как дети.
И каждый знает, что он прав.
Но разве в этом дело?
Собака пусть уже стара,
Но рявкнуть не посмела.
И лишь щенячие глаза
Смотрели прямо в душу.
Да пробивается слеза
Ворчанием наружу.
Мы надрывали телефон,
Пытаясь сделать что-то.
И, уж, какой там к чёрту сон,
Когда кричать охота?
В сердцах уже пирует страх,
И ссоримся, похоже.
Пускай не в душах, но в словах
К Тебе взываем, Боже!

На нас вниманье обрати,
Чтоб жизнь была светлее.
И за собакой пригляди,
Когда она болеет.

Божественная мелодия

Когда погода плакать перестанет,
А бабье лето обнажит тепло,
Не поскучаешь, лёжа на диване,
Коль время благодатное пришло.
Природа манит – тут уж не до скуки,
Особенно в погожие деньки.
Они в сердца врываются без стука,
Симфонии дождливой вопреки.
Пусть нежность к солнцу человек питает,
Но, вот, дождей никто не отменял.
А листопад весь золотом пылает
В Божественной мелодии огня.
Века идут – их прожито немало,
И этот счёт ведётся от Творца.
Но есть конец у этого начала,
И есть начало этого конца.

Полёт птенца

А мы, привыкшие к берёзам,
не замечаем их порой.
Они, как книги, что всегда под боком.
Но, вот, когда нам плохо,
к ним прислоняемся душой,
Чтоб жажду утолить весенним соком.
Согреют чувства несколько глотков,
и жить намного легче.
Любовь, проснувшись, напомнит о себе
И в сердце постучит надеждою,
и будет миг сердечен.
И боль, что горяча, забудется в ходьбе,
И мысли потекут листвой,
душа вспорхнёт чуть нарочито,
Скользнёт птенцом в российское раздолье.
Тот, кто к берёзам прикипел,
тот светел сердцем в поле чистом.
Ведь жизнь в любви меняет Божья воля.

Путь

Я вырвался из тени к свету,
Стремясь в поля душистые.
Я уходил душой с рассветом
В берёзы серебристые.
Я детством шёл в воспоминанья
Дорогою неблизкою.
И не пугали расстоянья
Распутицей российскою.
Мне расстоянья не помеха,
Я сын народа грешного.
Я шёл от слёз его до смеха,
От русского – до вечного.

Он

Он шёл, не уронив слезинки.
Он беззащитен был и зол.
Он не щадил в грязи ботинки,
Вгоняя в землю свой позор.
Гонимым был своей любовью,
Бежал от той, кем не любим.
И сердце обливалось кровью,
Врываясь в страх, как ветер в дым.
Часы летели незаметно.
Он успокоиться сумел.
Пускай любил он безответно,
Но боль развеял тихий смех.
Был весь в грязи, промок до нитки,
А доказал, что просто глуп.
И было жаль ещё ботинки.
И только брань слетала с губ.
«Ну, что ж, дай Бог, ей быть любимой,
Быть не обиженной судьбой,
Ко всем невзгодам быть терпимой,
И быть единственной… Дай Бог.

Хотя бы раз

Глаза мозолят наши страхи,
Когда их ждёшь или не ждёшь.
Дороже собственной рубахи
Боимся сгинуть ни за грош.
В поту, с глазищами навыкат,
Нас в свет выбрасывает ночь.
И просыпаемся от крика,
Чтоб жизнь в безбожии толочь.
В душе копаемся, как в хламе,
И нервы рвутся на куски,
И боль гранёными глотками
Похмельем давит на виски.
Так и живём. И жить нам тошно.
Рыданьем сдавливаем страх.
Нам всё позволено, всё можно.
А за спиной один лишь мрак.
Кровоточа, его мозоли
Грехом копаются в мозгах.
Так и живём не в Божьей воле,
И не в поступках, а в словах.
Грехи, что с нами остаются,
Мы выставляем напоказ…
Однако к Богу повернуться
И нам дано, хотя бы раз.

Зерно пессимиста

А осень вся пропитана дождём,
А жизнь – осеннею погодой.
В грехах дождливых мы живём
По горло занятым народом.
Народом, что купается в стихах,
Но их в отместку не читает.
К насилию испытывает страх,
А в мыслях думает о Рае.
Он молится, но спит его душа.
Когда проснётся – знает время,
И не жалеет даже алкаша,
Надеждой капая на темя.
В России процветает наш бардак,
Подобно бардаку на кухне,
И пессимизм, как затхлый тот чердак,
От рухляди ненужной пухнет.
Он к осени дождливой деловит,
И материт её на диво…
Но в нём – зерно Божественной любви,
Хоть наша жизнь ещё дождлива.

Прости

Когда душа идёт на взлёт,
Меня на слово пробивает.
Пишу поэзию взахлёб,
А русский дух во мне страдает.
Да буду ль Истиной прощён
В своей безграмотности грешной?
И сколько маяться ещё,
Ища мученья в неизбежном?
Но время вспять не повернуть.
Я ободрал свой стыд до нитки,
Но, хоть безграмотен мой путь,
Прости, Господь, мои ошибки.

Копейка

А голод не обманешь банкой пива.
А водкой не зальёшь желанье просто жить.
Ты голоден, и это справедливо,
Коли копейкою не можешь дорожить.
Трясутся руки, сушит рот похмелье,
И совесть отрыгнёт развязанный запой,
И самоедство кинется в веселье
То чёрной памятью, то топкою мечтой.
Скулишь как баба, раскисая в слюнях,
И ждёшь, чтоб кто-нибудь беднягу пожалел.
Но твоя боль осточертела людям.
Да, впрочем, ты и сам себе осточертел.
Ты раздавил любовь – и это плата.
Не просто в пьяной нищете найти просвет.
Конечно, плоть греховностью богата:
Копейку можно и пропить. А совесть – нет.

Уныние

Взирая на тебя глазами сонной пыли,
В пустой квартире чахнет суета.
Боль замерла, её молитвы усыпили.
Душа, как тряпка, трезвостью сыта.
Дождь за окном терзает холод в чёрных лужах,
Но даже раздражаться нету сил.
И где-то в памяти застрял костлявый ужас.
Его ты безразличием скрутил.
Поплакал бы. Но, нет. Ещё сильна обида
На жизнь, что не проходит без вранья.
Она, терзая плоть, бездушием размыта
Под грудой чувств душевного огня.
Ты в повседневности ворчишь на непогоду,
В застолье выбираешь, с кем дружить,
И убеждения меняешь, словно моду,
А веру в Бога надо заслужить.

Солдатская жалость

Идёт война в строю со стариками –
И смерть их не обходит стороной.
И шаг скорбит могильными венками,
Отягощая поредевший строй.
Но до тех пор, пока живые живы,
Ещё мы разберёмся, что почём.
Эх, жалко молодых, пока строптивых,
Ведь смерть – не девица: она идёт с мечом.
Вскипает злость и глушит чувства водкой,
А с нею проще жизнь обматерить.
И каждый страх свой затыкает глоткой,
Но, всё же, верит в то, что будет жить.
И, вспомнив Бога, старики вздыхают,
Чужую жизнь по-своему кроя.
Ведь на войне так часто убивают,
А истина у каждого своя.
Уходя в бой грядущие святые,
Ведь для солдата героизм не нов.
И умирают парни молодые,
По совести жалея стариков.

Спасение

Что-то тяжесть кидается в слёзы
И ручьями струится из глаз.
Что-то в нервах лютуют морозы
Да на сердце чернеет зола.
Вроде радость не спорит со злостью,
Просто искренность падает в ложь,
Застревая в сознании костью.
Её водкою не отрыгнёшь.
Но спасает молитвою вера
Да берёзовый низкий поклон,
Память детства двадцатого века
И покой седовласых окон.

Подарок

А люди добрые (хотя, порою злые),
Обложат так в горячности своей,
Что просто втопчут в грязь намеренья благие.
Так иногда бывает у друзей.
Что объяснять тогда, что ты хотел, как лучше,
И боль его дороже, чем твоя?
Она доверием роднила ваши души,
За спинами коварства не тая,
Пока обида не сыграла злую шутку,
И вы расстались – даже не враги.
И не друзья. Но дружба лопнула за сутки.
Два умника, а в целом дураки!
Былые чувства догорают как огарок,
Но если на гордыню наплевал –
Отходчив Бог! Глядишь, и сделает подарок,
Коль дружба значит больше, чем слова.

Молись!

Любить Россию – быть любимым.
Её любить – любить людей
И знать, что должен быть правдивым
И для врагов, и для друзей.
И оставаться человеком,
И жить у совести в долгу.
Ведь ты же сам в обнимку с веком
Привык к любви, как к сапогу.
Любовь найти во вражьем стане
Тебе в страданьях предстоит.
Но в нищете твоё старанье
Порою водкою разит.
Любовь в сторонку не отложишь,
Раз твоя вера рвётся ввысь.
Вперёд душа! Пока ты можешь.
И если можешь, то молись!

Чудо

Растерян человек и зло срывает в пьянстве.
Ждать не привык, зато просить горазд.
Виновного найдёт в подвыпившем нахальстве
Да упрекнёт словцом ещё не раз.
Скажу тебе, мой друг: всё черпаешь
в сравненье.
Ослиное упрямство родит грех.
А вот душа порой находит смысл в терпенье,
Хотя оно доступно не для всех.
Ты к чуду Божьему испытываешь голод,
Но ищешь веру в собственных грехах.
Молитва грешника – всего лишь только повод
Перебороть в страданиях свой страх.
И, наконец, открыть в Чертог Небесный двери,
Где вечно пребывает Красота.
Ведь грешнику всегда приходит время верить,
Хоть чудо не даётся просто так.

Путь грешника

Что в искушениях притягивает нас?
Желанье жить не хуже, чем все люди.
И муки совести нам вовсе не указ,
Когда мы по себе кого-то судим.
Порой не держим за зубами свой язык
И забываем, что такое скромность.
Порою водочка хватает за кадык
И пышным цветом расцветает гордость.
Порой лукавим и годимся нищетой.
(Кому нужна солёная премудрость,
Рождённая в грехах в душе полупустой?)
Кичиться бедностью – по крайней мере,
глупость.
Но можно пребывать богатым в нищете,
Достаточно на совесть опереться,
И с жаром убедить любимых в правоте
Да Божьим словом в храме отогреться.
А вот, когда беда с котомкою грехов
Тебя загонит в угол покаянья,
То совесть обожжёт от имени веков
Усталость глаз спасительным страданьем.

Глоток надежды

А слёзы катятся. Они-то здесь при чём?
А умирать в грехах так одиноко.
Но Бог подставил на Голгофе нам плечо,
Чтоб устояли мы в борьбе жестокой.
Он был распят. Он умер, но воскрес,
Чтоб нам была примером Божья Доля.
Для сонной веры – это праздный интерес,
А для живой души – обещанная воля.
Вот так и тот, кто умирал в бою,
Жизнь не щадя свою за веру предков,
Прокладывал сквозь вопли в память колею,
Чтоб в смерти жить, страдая каждой клеткой.
И, очищая славой личные грехи,
Он обретал прощенье в неизбежном.
Людей любил немногих, но не стал глухим
К чужой беде. А стал её надеждой.
Мир так прекрасен, но в любви своей жесток,
И тот, кто боль изведал в полной мере,
Так жаждал просто жить, но в смерть вступил как Бог,
Отталкиваясь в Истину от веры.

Узел

Стучится дождь в оконное стекло
И людям о себе напоминает,
Завязывая мысленным узлом
Грехи, что так заботятся о Рае.
И боль течёт не струйкой, а рекой,
И мечет бисер перед чьей-то правдой,
Во тьме обмана обретя покой,
Довольствуясь столь мизерною платой.
А истина в умах, как перегной,
Гниёт себе под вывеской богатой.
Обида жжёт, и грубость рвётся в бой,
Борясь с желаньем высказаться матом.
Дождь молится, и дышится легко
В весенней дрёме серого рассвета.
Иль это слёзы падают рекой,
Рождённые из тени и из света?
Скользит соблазн греховною змеёй
В сердцах людей, чернея, словно лужи,
Задув любовь. Но капельки её
Стучатся в человеческие души.

Поцелуй

Слова целуют губы женщин,
Глаза и руки и чело.
Но не спасают от затрещин,
Коли на женщину нашло.
Она в истерике красива
И беззащитна, как цветок,
Строга и дьявольски ревнива,
Впуская мужа на порог.
И «пилит» так, что дохнут мухи,
Что, дескать, он жену довёл.
Что, мол, ползут дурные слухи
В селе. И что мужик – козёл.
А тот «козёл» считал ухабы.
Как лох в две дырочки сопит.
И то сказать, при чём тут бабы,
Когда с друзьями водку пил?
Коли орал на всю округу,
Что, мол, жена чуть что – так в глаз.
А другу врезал за подругу,
И баба тут уж не указ.
А Бог простит. Простят и люди,
Пускай из носа хлещет кровь.
Словами женщину мы любим,
Порою больше, чем любовь.

«На посошок»

Мы ищем истину, забыв, что Бог есть Истина.
И потому найдём её в вине.
В квартире водочку мы распиваем мысленно
Потом с друзьями глушим в тишине.
Раскочегаримся на раз и сил прибавиться.
А вот качнуло вбок, и мордой – в грязь.
А человеку, что? Нельзя расслабиться,
С проклятым равновесием борясь?
Но всё, что выпито на отдыхе, не пропито.
Подумаешь, чуть-чуть не повезло.
Орать бессмысленно, зато молчанье – золото.
Понятно каждому, что водка – это зло.
Друзья нальют в стакан,
на «посошок» утешишься.
И жизнь любить захочется вдвойне.
А вот домой придёшь, глядишь,
и перекрестишься,
Забыв в сердцах про «истину в вине».

Пуля снайпера

Шальная пуля – что с неё возьмёшь?
Ужалит сослепу, на то она и дура.
Но пуля снайпера, ядрёна вошь,
Разит без промаха, крута её натура.
А соловьям до пули дела нет,
Как до молчания двоих – отца и сына.
Отец в Афгане был, в чужой стране.
И пуле кланялся – такая в пуле сила.
А как об этом сыну рассказать?
Как о войне сказать, которой сыт по горло,
Когда «во имя» надо убивать,
И убивать (чего лукавить) подло?
Быть снайпером – мальчишеская блажь,
Потом быть на войне заведомо убийцей.
И сыну этот грех не передашь,
Но, вот, коснётся ль Бог тебя
Своей Десницей?
Сын напряжённо слушал соловьёв.
Взглянув отцу в глаза, он вдруг спросил
С «пристрастьем»:
«Скажи, а что такое есть любовь?»
«Любовь? Есть грань
между безумием и счастьем».

Отражение

На берегу реки столетний дед
На отражение своё ворчал по-стариковски:
«Как славно каждый день встречать рассвет,
Ведь жить так хочется, да и не просто,
а чертовски.
Любим ты будешь кем-то или нет,
Ещё не всё, когда к тебе приходит старость.
Прощение обид куда важней.
Для человека всё видавшего – не малость.
Но нету ни друзей и ни врагов:
Лежат на кладбище – их смерть
давно уж примирила.
И жизнь твоя труднее от того.
Пусть сердце ненавидело порой, но и любило.
Душа застряла в памяти, как ком.
Плескается в добре и зле, что и сама не рада.
Пусть, прожив жизнь, остался дураком,
Жизнь продолжается и каждый день –
её награда.
Есть маленькая правда в простоте:
Прощать других, глотая боль, пока твой час
не пробил».
Взглянув на отражение в воде,
В последний раз дед усмехнулся горько
и промолвил:

«Ты просто на друзей своих чихал.
Чихал на власть, но унижался, делая карьеру.
А жизнь есть искушение греха.
Познавший Истину в грехе,
Познает Божий страх и веру».

Муравей

А муравей тащил соломинку по кругу.
Видать, задумался или болела голова.
Или с работой этой потерял подругу,
И «трёхэтажным» звал её,
грозил и снова звал.

Послушай, бедолага,
истерику уйми.
Ведь ревность в этой жизни,
поверь, плохой советчик.
Ты колготнёй своею
достал и утомил.
Ну, помолился б, что ли!
Молитва душу лечит.
Ах, прекрати, упрямец,
накручивать круги.
Не будь же размазнёй,
разуй свои глазищи.
Смотри-ка в оба, и глядишь,
проветрятся мозги.
Поймёшь, что и в блаженстве
без женщины ты нищий.
Ну, что же, муравей, прощай,
ищи свою подругу.
Ведь счастье во мгновение
не превратилось в дым.

И даже в нищете,
почувствовав разлуку,
Своей любимой женщиной
ты был всегда любим.

Прорыв в вечность

Ох, что-то крепко забрало.
Курю.
За Ваську выпил. Отлегло
В бою.
Пусть будет пухом та земля,
Где спит.
А чувства мысли шевелят.
Знобит.
А по щекам течёт вода.
Разрыв!..
Мы вместе рвём, как и всегда,
В прорыв.
О смерти думать не досуг.
УРА!
Мне наплевать на свой испуг
И страх.
Похоже к цели я своей
Пришёл.
Вопрос о вечности моей
Решён.
В края иные смерть меня
Несёт.
Я умираю, я убит, и всё!
Не встану больше я в бою
С колен.
Свою любовь я отдаю
Земле.

На кладбище

На кладбища приходим редко:
Раз или два, как повезёт.
А грех клеймит калёной меткой
По горло занятый народ.
А упрекнёшь, так смотрят волком –
Не лезь в бутылку, грешен сам!
И стыд торчит в душе осколком
От боязни попасть впросак.
В грехах быть правым невозможно,
Привыкли правду гнать взашей.
Ты сам попробуй жить, как должно,
И быть собой среди людей.
У каждого есть чувство долга.
Да кто б ты ни был, как ни жил,
Но совесть мучает недолго,
Коль время остужает пыл.
Нам каждый раз даётся Свыше
Скорбеть в берёзовой тени.
И хочется дышать потише
Среди могильной тишины.
Всю жизнь гоняясь за зарплатой,
Ты здесь престижно помолчишь.
А кто-то вдруг о жизни – матом,
И… перекрестится, глядишь.

Цена дружбы

А у собаки тоже есть душа.
Вся жизнь её наполнена любовью.
Да разговору лай её мешал,
Когда безбожно пили за здоровье.
И, криком приструнив собачий лай,
Остаток дружбы между мужиками
Вертелся в матерщине, как юла,
Размахивая сальными руками.
Ведь мужикам до дружбы дела нет,
Они её врачуют по-простому:
Хмельной обидой режут, как рулет,
За столько лет набившую оскому.
И рвутся глотки в бой, до кулаков.
И вымещают злобу на собаке.
И смотрит бедный пёс на дураков,
Что дружбу рвут на части в пьяной драке.
И псу невмочь. Обидою задет.
На пьяных лает до седьмого пота.
Собака – друг. А дружба – это свет
Душевного падения и взлёта.

Детский разговор

Слова каменьями летит из уст в уста.
От одного летят к другому.
Душа огнём горит, когда она чиста,
А крик её подобен грому.
Душа другая задыхается взахлёб,
Слюной исходит от обиды.
И в сумасшествии о стену бьётся лоб,
Когда все карты лжи раскрыты…
Ребёнок слушает, сжимая кулачки,
И своё сердце рвёт невольно.
Его родители в скандалах – новички,
Забыли, что ребёнку больно.
Что память стонет эхом, впитывая крик,
Любовью сотрясая тело:
«К скандалам вашим, знайте, я уже привык.
Хоть маленький, но плачу смело.
Я горько плачу, чтоб слезами вас простить.
Устал уже, но снова плачу.
Ведь вам меня и в ругани растить,
Любить мои грехи в придачу.
Как воспитаете, ну, так тому и быть.
Каким я стану в жизни взрослой?
Скандалы ваши улетучатся, а жить
Со мною. Не раскайтесь после».

Душа скандальна, но когда она свежа –
Подобна воздуху морскому.
Душа блаженствует, вдыхая детский жар,
Впадая в нежную истому.

Материнская любовь

Сынок учился в институте,
А научился водку пить.
И мать теперь на перепутье:
Ну, что же делать? Как же быть?
Помочь ребёнку матушка должна!
Ребёнку ж эта помощь не нужна.
Он матом раздирает душу
И во хмелю в неё плюёт.
Прёт безотцовщина наружу.
Винит он мать, и даже бьёт.
И мордой падает в свою кровать.
На жизнь беспутную ему плевать.
А мать боль выплачет на кухне.
Под утро на постель в бессилье рухнет.
О, Боже правый, водочная страсть
Чудит, чтоб жизнь у совести украсть!
Сыночек выйдет из запоя
И с клятвою «не пить» уйдёт.
Да клятва, данная с похмельною тоскою,
Навряд ли бросит его в пот.
Мать перекрестит сына вопреки:
«Прости его, Господь. И сбереги».

Капля Руси

Ну, что же ты мне душу-то мытаришь?
Похоже, наступает край.
Своим молчаньем сердце разбиваешь.
Ведь я мужик, а не слюнтяй.
А, вот, гляжу, смущаясь как ребёнок,
В твои уставшие глаза.
Ведь нам с тобой уже за сорок,
А я мальчишкой – на вокзал,
Чтобы не видеть твоих глаз, родная,
Чтобы не слышать горьких слов.
Душа моя российская, хмельная,
В любви ещё нарубит дров.
Не выйдет на прощанье разговора.
Ну, оброни хотя бы стон…
Устав от молчаливого укора,
Как хватану рукой о стол…
Не накричу. А накричу, простишь ли,
Кого любить тебе доверил Бог?
В раскаянье скольжу, как капля вишни,
На распустившийся цветок.

Крик

Золотом умоются берёзы.
Сердце стукнет трепетно и нежно.
И, глотая память, словно слёзы,
Я забудусь молодостью в грешном.
Я виной растаю в Божьей воле,
Захлебнусь в спиртном, терзая нежность.
Колосом склонюсь в широком поле
И вдохну предутреннюю свежесть.
На луну завыв сиротским волком,
Страхи протяну к ночному свету,
Чтобы память крикнула ребёнком:
«Мама! Мама!». Только мамы нету.
Встретясь с нищетой в неравной битве,
Я на совесть лягу, как на печку.
В храм пойду утешить боль в молитве.
И за упокой поставлю свечку.

Встреча

Из земли тянулись пять берёзок,
Пять сестёр от корня одного –
Женственной России отголосок,
Пять сердец дыханья моего.
Сам Господь послал мне эту встречу,
Трепетной любовью одарив.
Я Ему молчанием отвечу,
Что в груди с рождения горит.
Дурь моя хмельная выйдет потом,
Да стихами сердце защемит.
От берёзы пахнет русским полем –
Этот запах сладостно горчит.
Жизнь в грехах идёт от сотворенья.
Я в стихах играю чью-то роль.
Пять желаний в истине – мгновенье.
А желанье Божье – моя боль.

Берёзы

Ах, берёзы, вы мои берёзы!
Я молчанье ваше к сердцу прижимаю.
Убежав от повседневной прозы,
В грешной колыбели боль свою качаю.
Взгляд бежит за босоногим детством,
Что стремглав сигает в сад через заборы.
Бабку, что грозится полотенцем,
Жаль в душе, но в смехе
растворились «воры».
Ты прости их, да согреет старость
Во грехе ночном любовь детей к природе.
В старости через такую малость
Память детства им откроет путь к свободе.
Ах, берёзы, в яблоневом соке
Вы – как свет дыханья Бога во Вселенной.
Упокойте бабку, и в пороке
За любовь к земле воздастся непременно.

Шаг

Моё слово – лишь боль народа.
Да народу мой крик не нужен.
Он ведь шаг свой берёт от пота,
И греховной змеёй укушен.
А змея та в спиральном угаре
Заползает безбожьем в душу,
И проводит свой век в кошмаре,
Выползая бомжом наружу.
И… сгорает в душе Российской,
Ведь душа вопрошает к Свету.
И пускай к Богу путь не близкий,
Но молитвой ведёт к ответу.
Я, пришпорив слова, как лошадь,
По России лечу крылато.
Не нужна мне для слова площадь,
Коль Россия людьми богата.

Моя мама

Взгляд скользит по листьям,
словно по ступеням,
И сбегает к небу, что застряло в лужах,
Чтобы вспомнить мать,
что мне когда-то пела
Колыбельную. «Ну, спой, родная, ну, же…»
Не поёт её душа. Она на небе,
А моя меня бросает в виноватость.
Ох, к твоим ногам припасть хотелось мне бы.
Только путь тернист грехами
к Богу в старость.
Ты была мне свет, и, вот, тебя не стало.
А душа моя по-прежнему ранима.
Я ведь тот, кого ты в муках воспитала.
Просто боль порой сыновья нестерпима.
И любовь моя к земле под небом синим
Вдруг заноет в чистом поле, словно рана.
И споёт мне колыбельную Россия,
Как мне мама её пела неустанно.

Рябиновая нежность

Разбросали ветки ягоды рябины.
Их морозный воздух сладостью облёк.
И, застряв в сугробах снежной парусины,
Жжёт ядрёным перцем нежности глоток.
Не тревожат листья золотом сердечным
Грусть души славянской в солнечный мороз.
И летит раздолье в смехе бесконечном
Криком журавлиным в девственность берёз.
Обратив на небо взгляд свой со смиреньем,
В трепетной молитве обнажу грехи.
За народ Российский попрошу прощенье,
Чтоб к людскому горю не прослыть глухим.
Обниму Россию болью безутешной,
Всё отдам, что с детства в сердце берегу,
И встревожу память молодостью грешной,
Пламенем рябины в розовом снегу.

Воспоминания о селе Златоустовка

По селу пройтись бы снова, и прижаться к маме.
Только время крутит годы, как веретено.
А вот мысль границ не знает и идёт полями,
И в садах плоды срывает, как давным-давно.
…….
По петляющей дороге еду вдоль посадки
На крутом велосипеде с песней на ставок.
А потом одежду сброшу, чтобы без оглядки
С криком врезаться с разбегу в воду с головой.

Вот, в мечтах и оторвался, даже дрожь по телу.
А вокруг бродяга-ветер рвёт осенний мёд.
В детстве память искупалась, и душа запела –
А она кого угодно до костей проймёт.
Мысли детскими мечтами голову мне кружат,
Тень задумчивой улыбки в прошлое зовёт.
Я ребёнком с громким смехом пробежал
по лужам, –
И восторг молитвой детской
над землёй плывёт.

Затрещина

Разозлились «старики».
Наказали, как обещано.
Сына шлёпнуть не с руки,
Но саднит в углу затрещина.
Плакать хочется навзрыд,
Больно мять горох коленками,
Оттого плаксивый вид.
Грешен школьными отметками.
Был обман? Конечно, был.
За враньё дитё наказано:
Как за двойку класс смешил,
Как за дело в морду вмазано,
Как вину переложить
На других пытался подлостью.
Но не смог с позором жить:
Повинился перед совестью…
Сколько лет прошло с тех пор,
А нет-нет, душа вселенская,
Вставив случай в разговор,
Спросит память деревенскую:
«В чём же смысл любить людей?»
А в ответ вздохнёт затрещина:
«За обман прощать детей,
Как нам Господом завещано».

Последний стон

Посмотрел в глаза любимой,
Да в Афганский перелёт.
Был ещё последний снимок
Возле трапа в самолёт.
Сердце сжалось и заныло,
Резануло болью вдруг…
Как давно всё это было.
Без любимой – как без рук.
Заскучал мужик по дому,
По родимой стороне.
Приложиться бы к спиртному,
Да во фляге больше нет.
Страх противно пить глотками
От предчувствия беды.
Сыт по горло кишлаками
Да нехваткою воды.
Помолился – и в атаку.
Автомат наперевес.
Бог ты мой! Рванулся в драку,
Чтоб в глазах проснулся бес.
Глоткой бега не прибавить
По слепящему песку.
Случай вышел пуле ранить
Прям в сердечную тоску.
Дар от Господа бесценный
Кровью стынет на губах.

Взгляд мутнеет предвоенный
В стекленеющих глазах.
… Смерть свою по-русски сдюжив,
Землю кровью оросив,
Он остался верным мужем
Для любимой – для Руси.

Ночь памяти

Разгулялась русская зимушка-зима
И накрыла шёлковой скатертью поля.
Снегом хлебосольным глаз лишила тьма –
Лунною бессонницей ночь тревожит взгляд.
Пусть мороз, как водится, на расправу крут,
Да ворчит под окнами ветер, как старик,
Но к нему прислушаться мысли не дают –
В доме печка топится и душа горит.
В гордом одиночестве длиной ночи нить
С лампой керосиновой скоротать легко.
Нужно поднатужится – грех перекрестить.
Много ль надо для души? Хлеб да молоко,
Да за окнами мороз, да берёзы стать,
Да чтоб ветер вдруг завыл и пустился в пляс,
Да раскрытая для глаз звёздная тетрадь,
Бесконечностью своей чтоб манила взгляд.
… Землю скованным теплом согревает снег,
А в деревне мирным сном люд крещённый спит.
Дышит верою любовь к тем, кто дорог мне.
Я молюсь, и пусть Господь их благословит.

Миг тишины

Пойдём, пойдём в поля, дружище,
Чтоб ветер выветрил тоску,
И забрала трава усталость
Влюбленной птичьей тишиной,
Как забирает страх молитва
У грешников, пришедших в храм;
Как забирает боль надежда,
Тех, кто в неё поверить смог.
Мы прикоснёмся к тихой дрёме
Едва разбуженных берёз
Лучистой радостью рассвета,
И там забудем обо всём.
И в той задумчивости краткой
Мы проживём сей долгий миг
В тени молитвенной отрады,
Что нам дарует красота.
Пойдём, пойдём в огонь рассвета,
Туда, где верою шумит
Простор раскатистого ветра
В томленье птичьих голосов.
И окунувшись в это благо
Мы обретём покой души.
И чистота греховных судеб
Ворвётся ветром в нашу жизнь.

Вёрсты совести

Порой в сердцах такое растревожишь,
Как саданёшь на нервах сгоряча!
Глядишь, приободрился, даже, ожил.
И не поймёшь: чего на всех кричал?
Чего орал? Да помолился б лучше.
Всю правду оголил, а больше врал,
Пока был чёрной яростью придушен,
Освобождаясь от душевных ран.
Но, вот, у совести заслужишь ли доверье,
Греховным ором чувства не тая,
Пока любовь несёт на крыльях веры
В молитвенные вёрсты твоё«я»?

Вселенский грех

Что трезвому любовь,
То пьяному досада.
Он бьёт не в глаз, а в бровь,
Всё заедая салом.
Всё женское нытьё
И пьянки, и копейки,
Своё житьё-бытье, –
Всё меряет «по Сеньке».
А шапкой дорожит
(Ведь в пьянстве – теоретик),
Чтоб соблюсти режим
На женский энергетик.
И, напрягая слух,
Сколь баба б не рычала,
Он пьёт российский дух
От женского начала.
Охоч до наготы,
До сального затменья –
В просветах доброты
Он черпает прощенье.
Ведь Русский дух-творец,
Мужик обыкновенный,
Несёт похмельный крест
С любовью во вселенной.

Продолжение рода

А в свою совесть заглянуть
Трудней, чем прикрываться ложью.
Ты спрячешь грех в обмане том,
Но в том обмане дважды грешен.
Не веришь в Бога ты, ну что ж,
Твой выбор – это выбор веры.
Пусть веришь ты в свою любовь
К семье, люби и будь любимым.
Ну, хоть, в любви к семье не ври,
Не ври себе. Побойся Бога.
Ты говоришь: «Не верю». Врёшь,
Что ты не веришь. Веришь! Веришь!
В людей ты веришь и в себя,
А говоришь, что ты не веришь.
Ведь в совесть заглянуть ты смог,
А это есть дорога к Богу.
Не принимаешь ты Его,
Но твоя совесть принимает.
Ведь ложью мучаешься ты,
И в этой лжи семью купаешь.
Но ведь прощают же тебя.
За то, что врёшь, тебя прощают.
Ты попадался сотни раз
На том вранье. Куда уж больше?
Ты вымолил последний шанс
Тем, что от пьянки отказался.

И ты не пьёшь, не пьёшь, не пьёшь.
Что ж не даёт тебе сорваться?
Твоя любовь к твоей семье –
Любовь, завещанная Богом.
Семью так просто потерять,
А вместе с ней любовь и веру.
И ты стараешься не пить
И не грешить, и не скандалить,
И в Бога верить во смиренье.
И так живёшь до самой смерти.
Но всё-таки спроси себя:
«Что сделал для народа ты?»
Да, вроде, ничего, но Богу нужен,
Ведь ты отец детей.
Твой род не утонул в забвенье.
В нём оправдаешь свою жизнь.
Ты не грешишь и всё же грешен.
Грех твой в той самой пустоте,
Что ты всю жизнь в себе лелеял.
Ты можешь верить или нет,
Костром гореть, иль тлеть свечою,
Но, если любишь и любим,
Ты перед Господом в ответе.

Не знаю

Ах, как же много этого«не знаю»!
Оно нам душу разрывает, сердце гложет**.**
Как часто близких глупо обижаем
Незнанием своим таким несладким.
Как часто мы незнаньем прикрываем
Свою усталость. В этом наша слабость:
Беспомощно болтаемся в унынье
И в церковь не идём, чтоб причаститься.
А, ох, как надо! В этом наша сила.
Болит душа и надо помолиться,
И Бог войдёт в тебя, пока ты веришь.
Покайся же в грехах, заплачь пред Богом,
Чтоб не сломаться, не сойти с ума, не дрогнуть.
И возжелай быть просто человеком,
А не каким-то избранным героем.
Стремись к тому, ради чего родился –
Сродниться с Господом в Его прощенье.
И будучи прощёным, недостойный,
Заслужишь эту честь: себя простить.

Война как война

А на войне всё просто: там опасно,
Там смерть живёт бедой в большом и в малом,
Там каждому понятно всё и ясно,
И жизнь на смерть в порыве валит валом.
Эмоции там хлещут стылой кровью,
«Ура!» летит в прорыв российским детством,
Проклятием сорит страданье вдовье,
Но верою живёт в раю небесном.
И в нём война, застряв, саднит занозой,
Пылает детским плачем над могилой.
И, брошенная в память, красной розой
Цветёт любовь к Отчизне своей милой.

Прикосновение

Душа стремится к Богу и берёзам.
Душа стремится к вере и любви.
А жизнь тебя об землю пьяным носом
В рыданьях истерических знобит.
И тянется твоя душа к распятью,
И в храме, не жалея горьких слёз,
Душою жмёшься к вере, словно к платью,
Обиды прижимает детский нос.
Ведь с плачем малыша уже с пелёнок
Горит огнём душевная свеча.
А ты перед Христом опять ребёнок,
В своих грехах погрязший сгоряча.
Измазавшись в них болью, как в навозе,
В Божественном вкушая чистоту.
Рукою прикасаешься к берёзе,
Как сердцем прикасаешься к Христу.

Годы мудрости

В крупицах истины бурлит греховность.
И ею соткана вся наша жизнь.
А жизнь глазеет совестью в покорность.
И память покаянием свежит.
Становимся мудрее: годы, годы…
И нету места в них для тишины.
Как нету настроения в погоде,
Как нет в обмане праведной вины.
Нет ничего, кроме любви и веры.
Нет ничего, а вот желанье есть:
Чтоб чёрное сменить, хотя бы серым,
Чтоб в белом не маячил страх и лесть.
Чтоб всё, что было пройдено когда-то,
Не обернулось смертною тоской.
И чтоб любовь нас не несла куда-то,
Где о скалу ударишься виском.
Беда бедой, а жить духовно надо.
Любить, как любят грешною душой.
Пусть в наготе отчаянье – преграда,
А в церковь мы приходим, как домой.
В грехопаденье прыгаем всё выше
Через столетье, как через ухаб.
А в русском доме нам даётся Свыше
Понять истоки каждого греха.

До встречи

Пролетела встреча и опять до встречи,
Той, что в этой жизни наши души лечит.
Свой рассказ разделим с болью откровенно,
И за праздник светлый выпьем непременно.
А друзья утешат, а друзья помогут,
Словом или делом соберут в дорогу.
Все твои надежды, что лежат под боком,
Упакуют в веру и отправят с Богом.
Ну, а ты не мешкай, помолись в дорогу.
И моли удачу – эту недотрогу.
Ухватить надежду попытаться стоит,
Если ты поверишь, что её достоин.
А друзья помогут, ожидая встречи,
За тебя поставят в этой жизни свечи.
А свеча в молитвах подпирает млечность:
Жизнь трудна надеждой, но в надежде –
Вечность.

Московская сага

Мы Родину любим вдали от России.
Она как магнит притяжения судеб.
Ведь в ней оставляем, что дорого в жизни:
Всё то, чем гордимся, всё то, чем мы дышим.
И это понятно. Тоскуем любовью,
И душу снедает желанье вернуться.
И, вот, мы вернулись: «Ну, здравствуй,
Россия!»
Соскучилось сердце, вздохнуло свободно,
А значит, мы дома. Легко и… не очень.
Встречаются радости нам и невзгоды –
Всё то, что желательно, то, что любимо.
Буксуем с делами до новой разлуки.
Легко заблудится в чужом откровенье,
Но как же мы дома скучаем любовью:
Дела и заботы, упрёки домашних,
Всё то, без чего жизнь теряется всуе.
Каким вдохновеньем мы любим Россию?
Вопрос всех вопросов. Где истина в этом?
В молитвенном слове? В созвездии судеб?
Грех болью терпим в ожидании чуда.
Когда же из глаз ускользает усталость,
С рассветом приходит твоё пробужденье.
И хочется крикнуть всем сердцем,
всей жизнью:
«Москва, я люблю тебя, здравствуй, Россия!»

Свет улыбки

Тень задумчивой улыбки
По губам скользит устало,
Как скользит печаль дождинки
От осеннего начала
В наготу ветров и стужи,
В сон российского терпенья,
И, за взгляд цепляясь, кружит
Златом лиственного рвенья,
И лелеет чувство света
Белоснежной бахромою,
В дождевых полосках цвета,
Призывая боль к покою,
В свет любви и беспокойства,
В свет безумства и страданья,
От надежды до расстройства,
От расстройства до желанья.
В наготе ошибок вечных
Призывает жизнь к терпенью,
И зовёт её на вече
Листопадного творенья.
Юным шлёпаньем по лужам
Пробежит мечтой по брызгам,
Как бежит по млечным душам
Сотворенье с детским визгом.

Моросят дождливым хладом
Меж деревьев струйки света,
И летят осенним златом
В лужи детства листья лета.

Крестный ход

Любовь – светлица мироздания,
Даётся каждому она.
Благословит твоё желание,
Пока надеждой голодна,
Пока купается в сердечности,
Пока душой оголена,
Пока от звёзд дорогой млечности
Идёт, сиянием полна,
От века грёз до века верности
Сквозь грязь греха, обмана грязь.
И в обнаженье откровенности
Огнём молитв сплетает вязь.
Сплетает судьбы во мгновение
И, обходя весь мир земной,
Черпает в чувствах вдохновение
И увлекает за собой.
Своим теплом, своим страданием,
С небес скатившись кувырком,
Щемит берёзовым желанием
И к солнцу тянется цветком.
Её лелеют поколения
В порывах собственных страстей.
Войдя в светлицу преклонения,
Смиренно молятся о ней.

А крестный ход в молитвах вечности,
Собрав народ, всегда готов
Вести по кругу человечности
Такую разную любовь.

Город стужи

Ветра нет, зато есть стужа.
Нет тепла, зато есть люди.
Город их в заботах кружит
Меж знакомствами до мути.
Кружева плетут улыбки,
Увлекая в разговоры.
Люди делают ошибки,
Целый день вступая в споры.
Ну, на то они и люди:
Дай им только врезать словом.
Поперхнуться, чтоб до жути,
Призывая к жизни новой.
Раскалившись до предела,
Плюнув, выпить, да не чая,
А покрепче (это дело!),
За ошибки отвечая.
Размягчит надежда души
И наладит жизнь упрямцев,
И наступит время стужи –
Отбивать страданья пальцев,
Холодком пройдясь по жилам,
В ноги скатится чечёткой,
И, мозги наполнив жизнью,
Оборвёт общенье с водкой.
Ну, а ветру нет преграды:
Как дорвётся, так дорвётся,
Надо это иль не надо.

Он в ухарстве захлебнётся,
Закружится в свистопляске.
И рванёт в застолье стужи,
И, вгоняя щёки в краску,
Снежной пылью отутюжит
Торопливые фигуры.
А потом в сердцах застонет,
И, содрав с лица три шкуры,
Нашу жизнь в дома загонит.
А в домашней нервотрёпке
Мужику всегда теплее,
Ведь семейная похлёбка
Снова душу отогреет.

Дерево жизни

Кто уходит в магазины,
Ну, а кто в поля уходит,
Из весны ныряя в зимы,
В жизнь выписывает ордер.
Вид на жительство в России
Манит к русскому застолью,
Ведь кому-то печь по силам,
А кому – балкон раздолье.
Где родился, там и нужен,
Там друзья и там заботы.
То тишком, то тяжким гужем,
То в житейское болото –
Жизни нам везде хватает,
Будь то город иль деревня.
Потому и жмётся стаей
Всё тепло к России древней.
В ней досталось нам от предков
Всё, чем дышим и владеем.
С первою школьною отметкой
Мы становимся мудрее,
И идём туда, где краше,
Шагом совести и чести.
Потому Отчизна наша
Будет жить, пока мы вместе.

Порыв

А, в сущности, огонь любви
В сетях любовного порыва
И исцеляет, и кровит,
И справедлив несправедливо.
Готов мутить любую блажь,
От А до Я бросаясь в ревность,
А днем разгрузочным в гараж
Несет страдальцу откровенность.
И там зашкаливает мат
По всем статьям до дна бутылки,
И не одной. Словесный град
Меняет темы, как пластинки.
Всё так и есть… Да не совсем.
У горечи свои законы.
Ведь пьёт любовь порою с тем,
Кто чтит семейные погоны.
Пусть не хватает с неба звёзд,
Но в гараже обида – повод
Подальше быть от женских грёз,
Раз угодил в семейный омут.
До капли выпустив свой пар,
До капли водочного пара,
Рвануться в мировой угар,
Сорвав всю гарь с земного шара
До олимпийской чистоты.
И, пропитавшись русским духом,
Дойти до крайности почти,

Метнувшись в раж ершистой мухой.
И там, оттаяв всей душой,
Дойти до пищи до духовной,
И, обретя в душе покой,
Нести домой огонь любовный.
Себя подать в который раз
Страдальцу надо постараться,
И с чистотой нетрезвых глаз
Перед женою оправдаться,
Коль был к ней так несправедлив.
Пройти придётся через двери,
Как кораблю через пролив,
Собрав все шишки в полной мере.
Любовь растёт, как на дрожжах,
Но бьёт по дурости отменно,
А, выпив, кается в грехах.
И побожится непременно.

Разговор по душам

Ждёт Максимка, всё ждёт, ему можно,
Хотя ждать родных до одури – мука.
А на улице сидеть не так тошно,
Там не так гнетёт ребёнка разлука.
А знакомый бомж ведёт разговоры.
«Дёрнул» сотку, да словами врачует.
У него скребутся в памяти горы:
В покорении вершин режут чувства.
«Что, Максимка, нет твоих? Ждёшь, сиротка?
На скамейке, вот, сидишь, ждёшь любимых.
Для меня же мой приют там, где водка.
Ну, а ты, вот, смотрю, нелюдимый».
«Дядя Паша, мне на улице легче.
А родителей дождусь, скоро будут.
Их работа мои нервы калечит –
Они«пашут» за квартирную ссуду.
Свою жизнь они сделали адом,
Чтобы вымостить мне к счастью дорогу.
Говорят: «Пойми, Максимка, так надо».
В воскресенье в церкви молятся Богу.
Вот и я прошу Его сделать хоть что-то,
Чтобы выплатили долг поскорее,
Ведь квартира достаётся им потом.
Выясняют, кто в зарплате главнее.
Каждый хочет мне сказать, что он хочет.
А я жду да всё взрослею, наверно.
Я устал жить в одиночестве. Очень…».

«Не горюй, Максим, не надо, ведь скверно.
Коли молишься – молись, твоё право.
Тяжело поднять для сына квартиру.
Их любовь к тебе запущена, правда,
Но не лезет в долговую рутину.
Ты родных своих жалеешь, так вышло.
А любовь твоя – за труд их награда.
Ожидание порою, что дышло:
Вот, куда повернёт, так и надо.
Дядя Паша ведь худого не скажет.
Я бездомный, без любви и без ласки.
А твой крест, что ты несёшь, очень важен,
Так живи, как вся Россия: от Пасхи до Пасхи.
Помни только: жизнь полна ожиданья.
В ней всегда друг другу люди помогут.
Ведь живёт в них порыв состраданья,
Что рождён от стремления к Богу».
……

И пускай путь в Православие не близкий,
Две судьбы – всего лишь миг во вселенной.
Но в этом миге есть духовная искра,
Что останется в столетьях нетленной.

Седина времени

А что нам седина, грехи и годы,
Желанье высказать, обидеть побольней,
Зависеть настроением от погоды?
Важнее Родину сберечь ради детей.
Копаться в памяти – лиха задача,
Копаться в совести – обычные дела.
Напиться с горя, вспомнив мать в придачу.
А слушать пьяных – привилегия стола.
Теряем веру и находим веру.
Идём по скользкой жизни с ней,
с ней и живём,
Чтоб боль и радость с горечью отведать,
И, как за Родину, держаться, за жильё.
Божимся всуе, когда врём взаправду.
И просто верят нам, кто любит и любим.
Грех соблазняет нас. Порой ему мы рады.
О правде этой лучше умолчим.
Мы за столом раскачиваем слово,
И рвётся из души обиды водопад
О прожитом в той жизни бестолковой,
Той самой, что сквозь вздох
на нас бросает взгляд.
Любовь боготворим тремя перстами,
Чтобы душой испить молитвенность до дна.
Вся наша жизнь меняет нас с годами.
А с мудростью приходит седина.

Благодарю

Благодарю за то, что я такой.
Благодарю, что в мысленном желанье
Могу я быть пропойцей и мечтой,
Могу дышать клиновым оправданьем
Берёзовой небесной тишины,
Быть беззащитным, даже безответным,
Быть вечным странником в цветении луны,
И искрой Божией меж мраком тьмы и светом.

Память

В беде любовь уходит в память.
А память – искорка любви.
Ложь порождает лишь усталость.
Но без усталости как жить?
Вот, жизнь нас крутит и ломает,
И в этом истина её.
Беда лишь повод к всепрощенью,
А память Бог дарует нам.
Дарует вечную усталость,
А с нею вечную любовь,
Чтоб в сердце тлела искорка надежды.
Душевное мгновение её
Врывается в людей через пространства,
И светлую поэзию любви

Капли любви

О траву пружинят капли.
Тёплый дождь Москву тревожит.
Так и будет капать, капать –
Вот же выбрал себе должность.
В облаках устроил ложе,
Чтит порядок, даже очень.
Всё следит, чтоб влажной дрожью
Пропитали капли почву,
Как любовь питает сердце,
Сердце девушки бегущей.
И цепляет заусенцем
Трепет – дождик вездесущий.
А она летит на крыльях
Человеческого счастья,
Что любовь пред ней раскрыла
Беспокойной Божьей властью.
И всё смотрит, как девчонка
Её искренность встречает,
И в порыве этой гонки
Ничего не замечает:
Как на чёртовой пирушке
За любовным долголетьем
Рвётся к денежной кормушке
Сумасшедший бег столетья.
Как бы ни был бег тот мрачен,
Вслед за смехом год от года
Век греха несётся скачем

В свет российского народа.
И цепляет душу болью,
Словно тело полотенце,
Как цепляет Божью волю
Вера царским заусенцем.
Ну, а дождь вступает в силу,
Льётся каплями всё гуще.
И спешит в тепло России
Радость девушки бегущей.

Бесценная жемчужина России

О, женщина, три сумки в две руки!
И тащит же. Но как она прекрасна!
А взглядом полоснёт, так, хоть беги.
И сердце чьё-то вздрогнуло напрасно.
Но кто оценит эту красоту,
Что по иронии судьбы проходит мимо,
Бросая взгляд, как чайник на плиту,
Иль обвиненья в грязь шального мира,
Где убивают эту красоту
С упорством обезумевшей скотины,
Врываясь в жизнь под барабанный стук,
В простое счастье женской половины?
А женщина проходит по Москве,
И сумки ей оттягивают руки.
О, женщина! Как тот цветок в траве,
Что впитывает в память свет и звуки.
Как пропиталась памятью страна,
Смахнув надежду царского Престола!
И войнами была оголена
Вся правда лжи столетнего глагола.
А правда женских сумок – две руки.
О, женщина! Цветок московских улиц!
Не тратит свою жизнь на пустяки –
Таков удел любви российских спутниц.
Удел же мирной жизни на земле
Сжигает раскалённый гнев лавины.
Но через толщу оголённых лет

Крепка Россия женской половиной.
И взгляд, пленённый этой красотой
С волненьем смотрит, как стараньем века
Надежда мира с русскою душой
Уж, встречена любимым человеком.
И что ж тут очевидное скрывать?
Пусть руки ценный груз едва осилят,
Идёт в Российский Дом жена и мать –
Бесценная жемчужина России.

Тепло сердец

Безусый юноша встречает свой восход.
В его глазах лучатся капли света,
Как в тот, войной омытый, 45-й год
В слезах лучилась горькая победа:
Лучилась совестью в рассветной тишине
И песнями под русскую гармошку,
И наливала в жизнь, довольная вполне,
Свои сто грамм армейских на дорожку.
Всё ближе дом и слёзы жён и матерей.
А много ли солдату в жизни надо?
С отцовской нежностью прижать к себе детей
И помнить тех, с кем смерть делил когда-то.
И хоть душа порой в пыли, как половик,
Но верой бьётся сердце у солдата,
Чтоб девушке ладонями любви
Молитвенно вдохнуть тепло заката.

Победоносцы

Причастие

- 1 -

А он вернулся! Бог ты мой, солдат вернулся.
Да только возвратившись, дом нашёл пустым.
Ведь он так ждал, он встречи ждал, он думал
Что радость будет, а не тишина.
Лишь тикали часы. Они с ума сводили.
Макаров слушал их и много пил,
В ботинках «в лом» валялся на постели.
Семьи-то нет, а он любил семью.
Но всё кончается. И водка тоже.
Как кончилась война в его пустой судьбе.
Списали начисто с передовой, списали.
Семья погибла, в доме тишина.
Лишь тикают часы устало,
И в раковине капает вода.
Он встал. Дверь хлопнула.
Как жить ему с начала,
Когда беда душой оголена,
И жизнь уже не кажется желанной?
Засеменили ноги в сельский магазин
Да церковь преградила путь.
И он подумал: «Может,
Войду в нее, хотя бы просто так».
И в тишину вошел, и захлебнулся.
Он отрезвел в мгновенье ока. Тишина
Уже давила. А часы молчали.

Он свечки зажигал, он плакал, он мычал.
А батюшка смотрел и видел слёзы:
«Сын мой, ты расскажи, ты просто расскажи,
Что привело тебя сюда? Я буду слушать».
«Ах, батюшка, скажу тебе: пусты слова.
В грехах я каюсь, батюшка. О Боже,
Как мне начать жить заново в бреду?
Тащусь по жизни без семьи, без веры.
Я инвалид, и жизнь идет ко дну.
А вот часов не слышу. Что мне делать?
Я пью, как пьёт дворовый люд,
Как горькую хлестают те, кто с фронта.
Ах, батюшка, а я ещё живу.
А в доме тикают часы. Застыло время».

- 2 -

Сегодня к вере прикоснувшись,
Ты горько плакал.
Ты просто плакал как ребёнок.
Пал на колени.
Ты всё хотел забыть,
А сам молился и молился.
Ты был беспомощным
И, в тоже время, сильным.
Понять – не значит позабыть.
И не пытайся!
Ты только душу отворил
Пред ликом Божьим,

И, слово выплакав,
Ты утолил желанье
Быть беззащитным
И просить защиты.
Ты получил её,
Промыв слезами душу,
Всю горечь, боль и страх
Поведав Богу.
Ты верил в то, что говорил,
Ища защиты.
Ты прикоснулся к тишине
Не в пьянстве – в вере.
И те, кого ты потерял,
Молились тоже.
А значит, ты обязан жить!
Живи и помни,
Что память надо заслужить
В войне и мире,
И жизнь, что Бог тебе отвёл,
Прожить достойно

- 3 -

Макаров вышел и пошёл.
Его сегодня причастили.
Он не постился, а его сегодня причастили.
И батюшка ему сказал:
«Ты был достоин этой чести.
Ты воевал».

«Я воевал, и вот – калека я.
Всё пью и пью».
«Уже не пьёшь, поверив Богу!»
«Ну, я пойду?»
«Иди, мой сын». Пошёл Макаров.
«Где я иду? Помилуй, Бог, всё церковь,
церковь.
Хожу вокруг и наяву я вижу Славку.
Он в гимнастёрке, в сапогах, пилотки нету.
А как ты здесь?
Откуда? Как?»
«Я здесь, и всё тут».
"Тебя ж убили».
«Ну, и что? Ведь это церковь.
А ты идёшь вокруг неё, и я с тобою».
«Пойдём. Обидно».
«Что обидно?»
«Что тебя убили».
«Да, глупо вышло. Захотел увидеть небо,
И только вытащил глаза я из траншеи,
Как снайпер в лоб мне засветил, и я убитый».
Макаров воздуха глотнул: «Да, ты убитый.
А я живой. Живой, ети, а ты убитый».
«Макаров, не кори себя. К чему геройство?
Хоть ты калека, но ты жив. Люби Россию.
Героем быть не на войне – вдвойне труднее.
И жить за тех, кого ты потерял, –
дороже смерти,
Дороже почестей, и, стало быть, ты должен

Гореть свечой во имя тех, кто в тебя верит».
Макаров сделал первый круг.
«А где же Славик?
Растаял облаком. Исчез, как появился».
Искать его глазами больше не пытался.
«Исчез мой друг, так, это, значит, так и надо».
На круг второй он шёл один. Он заблудился.
Вдруг рядом – дочь, а с ней жена:
«Ну, что ты, милый?
Ты так хотел увидеть нас, вот, и увидел.
Не плачь, не плачь, мы здесь с тобой,
в душе и в сердце.
Убили немцы нас, тела кидали в яму.
Нас было много, очень много. Нас зарыли.
Ни в поле холмика тебе, и ни креста.
Но люди поминают всех,
родных своих и близких.
Помянут заодно и нас. Они помянут.
Пройдут года, отыщется дорога в память.
Отыщутся те ямы, нас отроют,
И похоронят, как людей. Ты не волнуйся.
Ты только помни нас, не забывай,
мы рядом».
«Пап, ты не думай и не пей.
Тебя мы любим.
К тебе я птицей прилечу. Не надо плакать».
Второй круг кончился, и он уж шёл
на третий.
И мать шла рядом. Шла и шла. Она молчала.

«Мам, что мне делать, как мне быть?»
«Молись, как можешь.
Услышит Бог тебя. Простит. Живи, сыночек.
Ты всё на свете потерял, и жизнь не в радость.
Но ты ведь выжил, хоть от смерти и не бегал.
Ты выжил там, где выжить было невозможно.
Ты жил в огне, чтобы сражаться за Отчизну,
Как твои предки до тебя сражались
За веру, за Царя, за вечную Россию.
Ты пролил кровь, не уронив их честь и славу.
Ты окунулся в тишину. Часы стучали,
Как твоё сердце, в унисон: так тихо-тихо.
Колокола твоей души ещё молчали.
И вдруг ударили в набат! И ты проснулся.
Ты в одиночестве своём дышал и задыхался,
Забыв, что тех, кого ты потерял,
тебя любили. Любят!
Теперь ты знаешь, что любовь дается Свыше.
Ради неё ты снова жить учись, сыночек».
Круг третий кончился.
Макаров жил, душой ворвавшись в память.
А батюшка смотрел ему во след и улыбался:
«Сегодня ты очистил свою совесть,
и твоя душа запела.
Неси любовь в душе своей. Ты причастился».

Больше жизни

- 1 -

Беда пришла, война пришла,
И покатилась на восток всё дальше, дальше.
Домов в селе с пяток всего оставила
для жизни.
После боёв за то село – одни лишь только
трупы,
Так и валяются везде, и всюду мухи, мухи.
Под солнцем – смерть, и только вонь
дышала разложеньем.
А кто их будет убирать? Их здесь,
как тех грибов.
Да вот живут же сын и мать.
А что прикажешь делать?
Свои, чужие… Люди ведь. Хотят
небесных врат.
Корова ходит среди них: пугают животину.
Бежит от них куда-то в лес, а к вечеру
идет обратно к дому.
Но, слава Богу, можно жить,
ведь молока хватает.
А только вонь невмоготу. Всех
хоронить придётся.
На третий день мать из окна увидела
мерзавцев,
Солдат немецких, тех, что шли

устало за кобылой.
Телега, вздрогнув, замерла, а сын спросил:
«Чего там?»
«Да немцы, вот, пришли, сынок,
Чего им делать здесь?»
А немцы сели покурить: их здесь ждала
работа.
Им надо хоронить своих солдат,
такие вот дела.
Пришла корова, и доить мать вышла,
тоже надо.
Всё повидала на веку, чего теперь бояться?
Мать нацедила молока, а немцы всё смотрели.
Ефрейтор бросил свой окурок
и к матери пошёл,
И крынка мелко затряслась
в руках её шершавых.
Но мать стояла как кремень, как столб,
на то и мать.
Ефрейтор крынку хватанул, приник
губами к влаге.
А сын, как тысяча чертей, вдруг вылетел
во двор
Рванул в свою судьбу… Рванул,
И нету больше сына.
На очередь из автомата,
на свою смерть всей грудью налетел.
Упал и, вот, уже ещё одной не стало жизни.
Мать опустилась на колени пред сыном:

«А мертвых здесь всё больше».
Ефрейтор пил. Он пил и пил,
И молоко ручьями лилось на землю,
Как и кровь из ран мальчишки.
«Нет сына! Нет! А этот немец ждет чего-то».
Мать встала и в сарай пошла качаясь.
А, возвращаясь, опиралась на лопату.
И стала рыть и рыть могилу. Сын ведь умер.
А немец что-то говорил, усами шевелил,
как муха.
«Да что ты там лопочешь, ты, убийца?»
А «муха» била в грудь и что-то там шептала.
А мать копала землю. Мать капала.
А «муха», улетев в сарай, была уже с лопатой.
Какая муха? Немец это и убийца
А впрочем, Бог ему судья. А сына нету.
«Ну, что ж, копаешь и копай:
вдвоем-то легче».

- 2 -

Они копали и копали,
А мёртвый сын смотрел. Смотрел и думал:
«Какой кошмар! Копают… надо же?
Вдвоём.
Зачем же он меня убил? Поди, и сам не знает.
Зато копает? Мать бы пожалел.
Ну, что же хороните, хороните…
Кому сказать, поверит ли, поймёт?

Да, впрочем, что тут говорить-то!
Хороните. Хороните…
«А всё же жаль его: ведь он убийца».
Могила выкопана, тело опустили в яму.
И вот уж падает земля на мертвеца.
«Они устали, Боже мой, ох, как они устали».
И вырос холмик, словно в поле колосок.
Корова подошла и замычала,
И ткнулась матери в лицо, да в лес пошла.
А мать на небо посмотрела и упала
На этот холмик, под которым сын лежал.
А немец молча развернулся и пошёл.
Мать замерла… Сын опустился на колени
И прошептал: «Не плачь, пожалуйста,
не плачь.
Ведь я всегда с тобой, с тобой, моя родная,
Ты только помни обо мне, не забывай».
А лошадь вздрогнула, телега покатилась,
И похоронная команда шла за ней,
Чтоб хоронить своих, войной убитых.
И мать пошла парней советских хоронить.
Она тащила их, укладывала рядом,
Потом для них могилу начала копать.
Ефрейтор, сына погубивший, почему-то
Ей помогал копать. Копали молча.
И вот в могиле упокоился солдаты,
Что за Россию жизнь свою отдали.
Мать всё крестилась, а ефрейтор молча ждал.
Потом она в глаза ему взглянула,

Легла на холм… и тихо умерла.
А в землю крест берёзовый воткнулся:
Ефрейтор сделал всё, что только мог.
И, прошептав молитву, прослезился.
Потом пошёл, чтоб хоронить своих.
Грехи… грехи… грехи…
Хозяйка умерла, корова убежала
Туда, где соловьи судачили о жизни,
И где колокола неслышимо звенели
над Россией.

Медаль «За отвагу»

- 1 -

У разведданных расстоянья нет:
Для летчика обычное задание.
И он летел, он торопился, он спешил,
Ведь сведения он собрал бесценные
Да только «мессеры» заметили его.
Погнались: «Ну, держись теперь, герой!
Ещё немного и, глядишь, догонят, шалые».
«Горючка» на нуле… Деваться некуда.
И самолет к земле рванулся по касательной.
Он брюхом землю пропахал,
застыл как вкопанный.
Серёга вылетел как пух и грудью треснулся.
В зобу дыханье спёрло, но живой,
хотя и раненный.
В нейтральной полосе застрял.
Ему подняться бы.
«Дядь, ты вставай. Чего лежишь?
Да и пойдём отсюдова».
Мальчишка рядышком стоял,
смотрел растеряно.
Серёга даже обалдел:«Ты что тут делаешь?»
«Картошку собираем здесь.
Мы этим кормимся».
«Да ты мне встать-то помоги.
Я, видишь, раненный».

К Серёге парень подскочил, помог.
«Потопали!»
А немцам скучно стало ждать, ведь цель-то,
вот она.
И поле, словно под дождём,
от взрывов вздрогнуло.
Серёга парня обхватил, упал на мальчика.
Так и застыл, своё прожив, прошитый
ранами.
Его пацан перевернул: «Дядь,
ты живой ещё?»
Глаза Серёга приоткрыл:
«Не долго жить уже.
Там на груди лежит пакет.
В нём разведданные.
Доставить нашим помоги. А как,
придумай сам.
Надейся только на себя. Заданье выполни.
Ты комсомолец, парень?»
«Да! Заданье выполню».
Серёга больше не дышал, а Юрке плакалось.
Он к лесу тело потащил.
Земля вдруг вздрогнула.
Подумал Юрка: «Перелёт». Он тело
в лес втащил.
Нашёл воронку, в ней Серёгу схоронил.
Потом и веток наломал, прикрыл могилу.
Пакет он спрятал на груди: так понадёжнее.
Да и пошёл себе, пошёл, куда, и сам не знал.

Глядь из кустов, а на поляне немцы с танками.
«Видать, собаки, прорвались. А что же
делать-то?»
От слабости он просто сел, уткнувшись
в землю взглядом.
Скользнув с плеча, упал мешок с картошкой.
К мальчишке немцы подошли: его заметили.
Он не смотрел на них, он слышал голос
летчика:
«Заданье выполни! Ты слышишь?»
«Слышу, дяденька».
Он испугался, замычал, заплакал, съёжился.
И немец, громко хохоча, ногой в лицо хватил.
Юрок сознанье потерял, так и откинулся.
Пришёл в себя, а немцев нет.
Лицо горит огнём.
С трудом поднялся и пошёл: куда, он сам
не знал.
А летчик в ухо всё шептал:
«Заданье выполни».
…….
«Стой! Кто идёт?»
«Ну, я иду. Чего пристали-то?»
«Стой, где стоишь. Иначе, выстрелю».
«Чего пугаешь-то!»
«Гляди, Евсей, гляди: пацан ещё.
Ты что здесь шляешься?»
«А вы-то кто?»
«На партизан нарвался, парень, ты».

«Мне нужен командир, не вы. –
и Юрка как бы вдруг прозрел, –
К нему ведите. Слышите? Мне очень нужно!»
«Смотри, Евсей, какая прыть!
Задорный малый».
«Ну, так ведите же скорей!»
«Ну, что ж, пошли.
Там разберутся, что за гусь такой».
……
Начальник штаба Юркин сказ
с вниманьем выслушал.
Пакет забрал, велел, чтоб накормили малого.
Да расспросил: «Откуда? Кто?
И где родители?»
Потом отправил спать в землянку общую.
А летчик Юрке вдруг шепнул:
«Спасибо. Выручил».

- 2 -

Фронт откатился от села, ушёл на запад.
И в школе начались занятия, как прежде.
Однако Юрке было как-то не до радости.
Над ним смеялись и не верили, не верили,
А он ведь правду говорил. Сказали:
«Выдумал!»
Смеялись все. Училка кол вкатила запросто,
Добавив: «Дальше будешь врать,
то станешь двоечник».

А летчик всё шептал ему:
«Чего ты плачешься?
Ведь ты же русский, ты мужик,
и хватит нюниться».
……
Стук в дверь, и в Юркин класс
вошёл полковник:
«У вас урок, но нужен мне Дементьев Юрий».
В ответ молчанье, только у доски раздался
Чуть слышный голос: «Это я. А вы оттуда?»
Полковник улыбнулся: «Я оттуда».
Он к Юрке подошёл и обнял парня.
Потом коробочку открыл, достал чего-то,
И, прикрепив медаль к его груди,
сказал: «Спасибо!
За подвиг твой ты награждён медалью
«За отвагу».
Носи её с достоинством и честью».
А Юрка прошептал в ответ дрожащими
губами:
«Служу Советскому Союзу».
Весь класс молчал, учительница тоже
Склонилась молча над журналом…
И тут вдруг зазвенел тугой звонок.
Звенел как память, как набат призывный.
И летчик Юрке прошептал:
«Спасибо, парень.
Ты был отважен. Ты герой. Герой России».

- 3 -

От поздравлений он сбежал,
Чтоб выплакать всю боль,
Всё недоверье и непониманье.
И летчик его боль не торопил. А Юрка ждал,
Что тот шепнёт чего-то, но ошибся.
И он пошёл туда, где был тогда,
Туда, где удиравшая война
Уткнула самолёт в сырую землю.
Он шёл к обломкам самолёта.
Живой герой шёл к павшему герою.
И он туда пришёл с медалью на груди.
И в самолете он увидел друга,
Того, погибшего, кто жизнь ему спасал.
А тот сидел в кабине, улыбался.
«Ну, как же так? Ведь ты убит, убит…»
«Сегодня сорок дней, как меня нету.
Но вы молитесь за меня, молитесь.
Теперь ты, парень, должен жить и за меня».
И летчик снова улыбался:
«Спасибо, друг, но мне пора на Небо
Отправиться в последний свой полёт».

Мать

- 1 -

В немецкой форме обер-лейтенанта
Из мотоцикла он всю скорость выжимал.
Но настигали немцы, настигали.
Свернул с дороги, да и въехал в речку.
От мотоцикла проку никакого.
«Чего, уж, там? Ещё чуть поживу.
Лес подобрался к самой речке. Надо, надо!
А дальше будь, что будет. Поживу…».
Как говорится: речка в два обхвата.
Ее перемахнул, не глядя, без труда,
И в лес шмыгнул, в его густую поросль,
И долго продирался сквозь кусты,
Растущие под кронами деревьев.
Когда услышал, что погони нет,
Он тяжко рухнул в травы под берёзой:
«Попасть сейчас бы. Да какое там!»
А впереди чащоба, неизвестность.
Разведчику и это по плечу:
«Не унывать, не раскисать, не трусить!
По ходу дела с этим разберусь.
Погоню немцы не оставят,
Пока уверены, что я живой.
В лес, только в лес! А парни все убиты.
Я должен выжить. Должен. Вот и всё.
Ведь сведенья своим доставить надо.

Фашисты здесь готовят свой удар,
А наши ничего ещё не знают.
И карта у меня. Я должен жить!
Веди же неприметная тропинка!
Я на тебя надеюсь, ты не подведи.
Ну, выручай, родная, на тебя надежда.
А немцы рядом. Слышу лай собак.
Я должен, должен, должен, должен выжить!
Но что это? Избушка? Вот те на…
Баба Яга сейчас мне скажет: «Здравствуй».
Вот, интересно, что отвечу я?»
В избушку он зашел и отшатнулся:
Трава, коренья, склянки, черепа…
Вот, ёшкин кот, да что ж за наваждень?
Вот занесло ж –из полымя да в ад».
Неверующий, он перекрестился,
Со страстью, искренне так, истово, как мог.
И, к косяку спиною прислонившись,
Осматривать стал внутренность избушки.
И вдруг старуху увидал. Глаза её, вернее.
От этих глаз дар речи потерял.
Один был карий, а другой белёсый:
И небо в них, и холод, и гроза.
«Ну, что, солдатик, не видал такого?
Да, многого ты в жизни не видал.
Хоть форму ты чужую нацепил,
а все же русский».
«Но как узнала ты?»
«Креститься начал.

За километр видно, что безбожник,
А стал креститься, как в дорогу крестит мать.
Да Бог простит… А немцы уже близко.
Давай-ка ты в колодец полезай.
Там ниша есть, схоронишься покуда
А то ведь не помилуют, убьют».
Он тут же внял её безумному совету:
Полез в колодец. Что ему терять?
Сквозная рана, правда, воспалилась,
И ныли зубы, аж, до хрипоты.
Да, у войны порой свои причуды…
Влез в нишу, чертыхнулся и затих.
«А баба Ёшка своё дело знает.
Вот в сказки и не верь. Хо-хо, дела».
А «баба Ёшка» чем-то посыпала
Вокруг колодца, двор и свой порог.

- 2 -

Вот, немцы на избушку натолкнулись,
И офицер в сопровождении солдат
Вошёл и охнул. Чад стоял безбожный,
И в том кошмаре сразу задохнулись все.
На воздухе немного отдышались,
Потом стреляли в два окна и даже в дверь.
И вдоль, и поперёк изрешетили,
Ну, под чистую, всё. Да и пошли себе,
пошли…
А где-то через час проветрилась избушка,

И из подвала вылезла на Божий свет
Баба Яга и немцам погрозила:
«Теперь не сунетесь сюда без спроса!»
Пошла к колодцу, крикнула: «Давай-ка
Вылазь оттуда, хватит там сидеть.
Да рану посмотрю, а то ещё загнёшься,
Потом возись с тобой. Тебе болеть нельзя.
Пока на травке посиди. Промоем рану.
Как звать тебя?» «Иваном кличут».«Вот,
Поспишь в подвале, и не спорь, так надо.
Там и тепло и сухо». «Ничего.
Мне даже там спокойней будет».
…….
А ночью ему снилась эта бабка.
Её тревожил взгляд, заглядывая в душу,
И выворачивал всю совесть наизнанку.
Ему казалось, это длилось бесконечно.
Она смотрела, ничего не говоря.
И было страшно, одиноко, словно в детстве.
И вдруг она сказала: «Просыпайся!»
И он рванулся. Сердце колотилось:
«Ты что, с ума сошла: пугать меня, старуха?
Я не боялся умирать, а тут я струсил».
«Прости, Ванюша, так случилось.
Не хотела».
Иван вздохнул: «Да ничего».
Пошёл к колодцу.
Он долго умывался, матерился:
«Ну, некуда идти, везде фашисты».

Но надо же на что-нибудь решиться.
Уж ночь прошла, и он рискнуть обязан.
А бабка не мешала его мыслям.
Она-то знала, что ему поможет:
«Пускай безбожник он, но чистая душа».

- 3 -

«Куда, Иван, собрался?»
«В путь дорогу.
Нельзя мне прохлаждаться больше здесь.
Полезу немцам в пасть. Фронт недалече.
Нет времени, глядишь, и проскочу».
«Постой, Иван, постой, не горячись.
Туда я проведу тебя болотом.
Не возражай, а то ведь рассержусь.
След в вслед пойдёшь за мной.
Ты меня понял?»
Иван взорвался было, а потом притих:
«А может быть нелегкая поможет?
Из двух зол выбирают меньшее. Держись!
Держись, мужик. Ну, потихоньку, с Богом!»
И вот оно – болото. Тишь мертвая, как сон.
«Идём шаг в шаг. Да чтоб ей провалиться!
Идёт, как та молодка, хоть бы хны.
Идёт себе вперед, а я весь в мыле».
Взгляд затуманился.
И всюду, всюду, всюду лица.
И все глядят в него! И смотрит черное нутро!

И всё зовёт, зовёт в себя:
«Иди ко мне, солдатик».
И хочется рвануться в этот страх.
«Очнись, Иван!». - раздался голос бабки.
Он вверх спружинил головой из мрака.
Уже тонул… За шест схватился крепко.
«Откуда столько силы у бабули!?»
Она сумела вытащить его.
И снова двинулась вперёд. А он за нею.
Болото кончилось. Без сил прильнул к берёзе.
Мундир весь грязный. В мокрый вещмешок
Он заглянул: «Фу, карта сохранилась.
Теперь дойду». Замялся, покраснел,
И, от смущенья глупо улыбаясь, промолвил:
«Ты прости меня, не верил я тебе.
Но почему ты, ведьма, помогла мне,
И столько раз от смерти сберегала?
Ведь я безбожник, ты-то знала это.
Чем заслужил я эту доброту?
«Ну, что тебе сказать, сынок? Не ведьма я.
А знахарка. Лечу людей от хворей их
Отварами из трав да Божией молитвой.
Но нынче землю нашу топчет враг поганый,
И кровушка людей потоком льётся.
А я же русская, я женщина… я мать».

Медведь

- 1 -

Антип вздохнул и голову чуть приподнял:
«Прогулка» выдалась, что надо!
На станции взорвали эшелон.
Всё танки, пушки… И рванули крепко.
Состав с горючим рядышком стоял.
Эх, красота была! Всё так рвануло,
Что любо дорого смотреть. Такая чехарда!
Ну, в общем, дали прикурить фашистам.
А разбегались каждый, кто куда.
Шесть человек нас было. Да живые ль?
Не знаю. А со мной случилось вот что:
Охранные собаки взяли след мой,
Но от погони удалось уйти.
А все-таки тот немчик молодой
Достал гранатой, деготь ему в душу!
Осколок впился в спину, но его
Я сгоряча сначала не почуял,
И пару километров по лесу петлял,
Пока в ручье не сбил собак со следа.
А после ощутил между лопаток боль
И рухнул, как подкошенный, на травы.
Лежи теперь, на небо пялься, отдыхай,
И приходи в себя, да соловьёв
российских слушай.
Но рана, видно, лёгкая, силёнки есть,

А, вот, вставать с травы совсем не хочется.
Лежу себе, лежу, ну, как та баба на сносях,
Которая вот-вот должна рожать
Ну, что я, не мужик? Встаю, раз надо!
Спина болит. Ох, этот вещмешок…
В нем всё готово, чтобы склад взорвать.
Задание в отряде дали наперёд: взорвать
Фашистский склад с боеприпасами,
Чтобы нарушить всё снабжение их фронта.
А эшелоны мы рванули мимоходом,
Чтобы отвлечь внимание охраны склада.
Уж очень всё удачно так сложилось.
А, может быть, и нет? Всё вышло неудачно?
Жива ли группа? Всё же цель её –
Немецкий склад. А вдруг погибли все?
Но я-то жив и знаю своё дело…».
…….
Вдруг мысли оборвал какой-то треск в кустах.
Медведь, хозяин леса, вышел на поляну.
И, осмотревшись, увидал Антипа,
Да и пошёл к нему не торопясь.
Антип свой вещмешок отбросил.
Но тело ныло так, что встать невмоготу.
Медведь всё ближе, ближе, ближе…
«Ну, здравствуй, мишка, как твои дела?»
Антип глаза закрыл:«Ну, всё приплыли.
Видать, до склада я не дотяну».
И вдруг расслышал тихий рык медведя:
«Дурак ты, парень, ну, на кой ты сдался мне?

Малины, вон, полно, и рыбы в речке тоже.
Живи, чудак! Не трону я тебя. Живи».
Антип тряс головой и так смеялся,
Что страх пропал, и он открыл глаза.
Медведя не было: «Куда он подевался?
Ну, бред полнейший. Ох, схожу с ума».
Напрягся телом, встал и отряхнулся,
И вещмешок набросил на плечо.
«Ну, что ж, Потапыч, был ты или не был,
Бог даст, увидимся ещё когда.
А нет, так и на том спасибо, что не тронул.
Сам понимаешь. В общем, я пошёл».
…….
Пробраться в склад задача непростая.
Но станция ещё горела, немцы были там.
Антип не мальчик – знает своё дело.
Снял часового, в склад залез через окно,
Пробыл минуты две и двинул восвояси.
Почти ушёл, да видно не судьба.
Заметили, и пули засвистели.
Проснулся пулемет. «Ну, всё, хана!»
И тут раздался взрыв… второй… и третий…
Казалось, всё, теперь не до него:
Отстанут немцы. Но не тут-то было…

- 2 -

«Опять погоня! Что, я заяц что ли?
Но выгорело дело, это факт!

Теперь кусайте локти, раз неймётся.
По лесу поплутаю, не беда.
А всё-таки конкретно поприжали.
Антип, встряхнись и жалом не води!
А жить-то хочется, и покурить охота.
В ногах твоя надежда, так-то, вот».
И он бежал, плутал, а враг всё ближе,
И пули всё свистят над головой.
Граната взорвалась, потом другая.
Он покатился кубарем в овражек
И обо что-то треснулся с размаха.
Мысль раскололась, словно тот арбуз,
И он затих, и только плыл куда-то.
И, вот, приплыл… Пред ним возник медведь.
«Ну, что, Антип? Смотрю, навоевался.
Ко мне в берлогу завалился ты».
«Прости, Потапыч, не хотел, так получилось.
Я лоб об дерево конкретно приложил,
Ну, а потом, видать, в твой дом и закатился.
А немцы где?»
«Да рыскают вокруг».
«Потапыч, ты прости».
«Антип, не распускай ты сопли,
а лучше приходи в себя,
А то нытьём своим меня ты притомил».
Антип открыл глаза, сознанье возвращалось.
А темень! – Бог ты мой. В дыру сочился свет.
Медведь был рядом, и Антип напрягся:
«О Святый Боже, это был не сон!»

Медведь смотрел в глаза чуть беспокойно:
Казалось, он был чем-то удручён.
И там, откуда луч струился светом,
В немецком гвалте он почувствовал войну.
И он, хозяин леса, возмутился,
Что русский лес похабит вражеская речь.

- 3 -

Медведь взревел и пулей вылетел наружу
В последний бой, в последний свой разбег,
Собрав всю славу и всю мощь России,
Что Божьей волей воплотилась в нём.
И в чаще леса разыгралась битва:
Медведь фашистов рвал на части, на куски.
Летели в травы окровавленные клочья
С остатками мундиров и наград,
Чужих наград… Шёл бой
неравный и последний.
Пять немцев мёртвые лежали. Остальные
Метались в панике между стволов берёз.
А русский мишка рвался дальше в бой,
в сраженье.
И немцы разбегались. Наконец,
пришли в себя.
Их «шмайсеры» заговорили хором.
И пули роем впились в плоть медведя.
Он покачнулся и упал, облившись кровью.
Он умер молча, как солдат – хозяин леса.

Антип смотрел на этот бой, глотая слёзы.
Он, русский воин, понимал, что это было.
К медведю немцы подошли и стали кругом,
И обсуждали, как казалось им,
нелепый случай.
Антип ворвался в этот круг
с гранатою последней,
И тишина в последний раз взорвалась кровью.
…….
Антип стоял, медведь стоял. Они стояли
рядом.
Антип спросил: «Зачем, Потапыч,
ты полез в людскую драку?»
Медведь ответил: «Здесь моя земля,
Мой русский лес и древний род мой.
За это жизнь свою отдать почетно
и достойно».

Волчья жизнь

- 1 -

Опушка леса трупами усеяна была:
Все вперемешку – русские и немцы.
Ни выигравших, ни проигравших.
Но, видимо, Николке на роду написано
Не сдохнуть нынче, а в живых остаться:
Его лишь оглушило малость,
А так живой. Смерть пролетела мимо.
А фронт гремел, ярился где-то сбоку.
«Вот, мать его ядрёный корень, ёшкин кот!
Эх, люди, что неймётся вам по жизни?
Зачем нелёгкая несёт вас убивать других,
И быть самим убитыми другими?»
«Чего ты разошелся, Николай? –
Лес удивился этакому гневу, –
В живых остался, ну, так не скули.
Тебе ли говорить? В живых остался.
За Русь воюешь. Это ли не честь?
А воин призван убивать врагов. Ему и слава.
Народ твой извести хотят, а ты пищишь.
Не ты ж войну-то начал. Так сражайся!»
Лес зашумел листвой и замолчал.
«И то, какая там к чертям собачьим
жалость? –
Подумал Николай, – Ты лес прости.
Чего-то я ослаб, погорячился малость.

Взорвался, вот. Да что тебе я говорю?
Сам знаешь, что солдату всё едино:
Что жизнь, что смерть. Тебе не умирать.
А здесь, вон, трупов столько, что куда там.
И все хотели жить, и наши, и они…».
…….
Глядь, волк стоит и смотрит на него.
И Николай слегка опешил даже:
«Ну, что глазеешь, серый? Что ты встал?»
А «серый» всё смотрел в его глаза упрямо.
И вдруг, о Бог ты мой, завыл.
Нет, не завыл, а застонал по-человечьи.
И Николай увидел, что капкан
Железной хваткой сплющил лапу бедолаге.
Никола даже вздрогнул: «Ой, ей-ей!
Ну, серый, ты попал».
«Да, я попал. Помочь не хочешь?»
«А может, не хочу?»
«И все же, помоги. Ведь ты же русский».
«Да, я-то русский. А вот ты нахал.
Попался, ну, а зубы свои скалишь.
А я тебя боюсь. Пройду вот мимо».
«Освободи меня, прошу, освободи.
А страх забудь. Ведь ты же воин.
Прошу тебя, освободи».
«Да что ты привязался, как заноза?
Ну, ладно. Только морду от меня отвороти».
Никола к волку подошёл, а пистолет
на взводе.

Его на землю положил, разжал капкан:
«Иди!»
Отворотил лицо: «Иди! Свободен!»
……..……
В плечо толкнулось что-то. Он закрыл глаза,
Сжал зубы: «Ну, вот, гад, волчара!
Решил за помощь отблагодарить,
мне в глотку впившись?
Но нет! Я жив! Держись, волчара,
сукин сын, держись»
Он резко встал, расправил плечи.
Он был молод.
Он был вооружён. Он был настроен
Сражаться до конца. Он резко повернулся…
А перед ним стоит не кто-нибудь, а немец!
При этом – офицер. И «вальтер» поднимает.
«Ах, тварь бесовская! Душа, молись же!»
За пистолетом кисть рванулась: «Ну же!
Ещё, ещё быстрей!» И вот, оружие в руке.
«Теперь поговорим!». Стволы уперлись
В грудь каждого из них. Они застыли,
Как будто что-то не давало им нажать курки.
А Николай стоял в тот миг и думал:
«Нелегкая фашиста принесла.
Ну, хоть, в могилу заберу с собою.
Дуэль! Жми на курок, и все дела».
И тут раздался мощный голос леса:
«Вы не посмеете! Ещё вас час не пробил!»
И немец задрожал, и опустил свой пистолет

Никола весь кипел:«Да что ж это такое?»
И тоже пистолет свой опустил:
«Да что ж за хрень такая происходит?»
Глаза включил: «Волчара тут как тут.
И разговаривает, кол ему в печенку!
Вот, серый, а чего-то говорит.
И немчура его, похоже, понимает.
О Господи, да что же происходит?
Лес говорит, волчара лезет в душу.
Куда попал я? Что за карусель?
Кручусь волчком, и немец, вроде, тоже.
От чертовщины криком хоть кричи.
Фашист, сдаётся мне, уже не в адеквате:
Зубами клацает, от страха весь дрожит.
Да ведь и я веду себя не лучше».
А волк вздохнул и начал говорить:
«Сегодня хватит смерти, вы же воины
И рода одного, и жизнь у вас одна.
А вы её отнять хотите друг у друга.
Сегодня больше не в кого стрелять.
Поберегите пули для сраженья».
И лес вздохнул: «Вы здесь не для убийства.
Попробуйте сейчас понять друг друга».

- 2 -

Горел костёр. У перемирия был шанс.
Да что там шанс! Он души согревал
У тех, кто перед ним сидел и должен

говорить.
Пусть говорят, чтоб ненависть
в словах бурлила,
И в память боль рвалась, рвалась как пуля.
Ведь с пулей ненависть летит в чужую смерть.
А в смерти нет конца, но есть начало,
Начало рода жизни и земной любви.
А эти трое всё чего-то ждали.
Всё ждали. Но чего?
И лес вздохнул: «Ну, говорите, говорите.
Пришла пора». Заговорили разом все,
и замолчали.
Вдруг холод остудил упреки и обиды,
И вечностью вздохнула боль веков.
……..
Откуда взялся рыцарь? Кто ответит?
А он сидел, грел руки у костра,
И пристально глядел на всех:
«Ну, что притихли? Что ж, коли молчите,
так я буду говорить я сам.
Вы слушайте меня. А слушая, молчите.
Всему свой срок. Я вам открою всё.
Я странствующий рыцарь. Я был молод,
О подвигах мечтал ради любимой.
Не буду говорить, о чём ещё мечтал.
По воле случая я в русской стороне
искал удачу,
И въехал в лес, вот в этот самый лес.
А здесь велась охота на волков.

И местный князь так жаждал волчий крови,
Что не заметил, как отвлёкшись,
он оторвался от своих.
И гнал коня, и гнал. Но – незадача:
Споткнулся конь, и вылетел наездник
из седла.
Беспомощным лежать остался на земле.
А волк, он был неробкого десятка, –
На князя прыгнул. Жаждал волчьей мести.
Да я всё видел, подоспел на раз.
Да кистенём его, да по зубам с отмашкой.
И зубы – в крошево! Волчара пасть оскалил,
Кровище прёт, а зверю хоть бы что.
Князь голову поднял, а мы стоим и смотрим
В глаза друг другу: я и волк.
И понял я: волк уважал меня!
Я повернулся к князю, подошёл,
помог подняться.
А волк исчез. Он понял,
он простил меня, уважил.
И на пиру сидел я рядом с князем.
Он за моё здоровье кубок поднимал.
И я был горд, ведь волк меня простил,
А князь меня приветил и приблизил.
Так появился волк на нашем родовом гербе:
Стоит, оскалив пасть,
И зубы – в крошево, на подбородке кровь.
А человек глядит ему в глаза,
И с кистенём застыл, как изваянье.

И наш девиз гласил:
«Где храбрость, там и честь.
Достойным слава!»

- 3 -

Не вечна ночь: рассвет не за горами.
Костёр уж догорал.
Рассказ закончил рыцарь. Все молчали.
А волк спросил:
«Кто был тот грозный волк,
Что оценил твой воинский порыв,
И сам повёл себя как настоящий воин?»
И лес вздохнул: «Твой славный предок,
Привыкший слабых ненавидеть
и уважать по силе равных.
Ночь на исходе. Вам пора прощаться.
Костер собрал вас вместе, но и он не вечен.
Он догорит, останется зола.
Но нет у памяти золы, есть только пламя.
Прощайтесь. Вам пора. Идёт рассвет».
Поднялся волк и, на луну взглянув,
завыл протяжно.
Он всё тянулся к ней, тянулся, и она
Жизнь забрала его к себе,
И он упал. Он больше не дышал.
Он путь закончил свой земной.
А рыцарь встал и к немцу обратился:
«Прощай и ты, потомок мой далёкий.

Да-да, я предок твой. А Николай
Потомок князя русского и друга моего.
Ну, что ж, прощайте, воины земли.
Что напоследок вам сказать?
Не забывайте Бога и в сердцах храните:
От мира до войны всего один лишь шаг,
А от войны до Бога
Порой и вечности не хватит человеку.
Так берегите жизнь своих народов.
Я ухожу, и волк идёт со мной.
Наш путь – на Небо.
Он честно прожил жизнь свою
и славно умер.
Дорогой памяти пойдём в полоске света.
Прощайте, да прибудет с вами память».
И догорел костер, как догорает свечка.
И тлели угли, как в душе усталость.
А люди посмотрели друг на друга
И разошлись. Война их торопила
В кровавое пугающее завтра.
А волк лежал, ведь плоть осталась плотью.
Глаза открыты, будто ждал кого-то.
И, вот, дождался. Подошёл волчонок.
Обнюхал деда, надышался смертью,
И, громко фыркнув, в сторону отпрыгнул.
Прислушался. Всё было тихо,
Лишь птицы пели, дотлевали угли.
И солнце поднималось над Россией.
И робкий луч задел глаза волчонка.

И, гордо вскинув голову, он вдруг завыл
Призывно и протяжно…
Жизнь продолжалась!

Победоносец

- 1 -

Шёл 41-й год. Войны начало.
Донбасс горел. Бои, бои, бои…
И гибли люди, гибли, отступая.
Страх у солдата притупился, а приказ,
Чтоб отступать, давал возможность выжить.
А, вот, Георгий не ушёл. Лежал,
в траву уткнувшись.
Его к земле прижало взрывом.
Вдавило так, что он едва дышал,
Дышал на ладан, потеряв сознанье.
Нашептывала жизнь ему: «Вставай!
Вставай! Чего здесь развалился?»
А что, ему и полежать нельзя?
Он это право заслужил.
Расчёт погиб, подбив три танка.
За ними пушку разглядеть не просто,
И маскировка та ещё была.
Да некому стрелять. Лежит Георгий.
А жизнь всё шепчет: «Не глупи, вставай».
«Да что ты привязалась, в самом деле?
Встаю уже, встаю». Глаза открыл,
А небо над Донбассом голубое
Шептало парню: «Ну, давай, вставай».
«Встаю, встаю». Боль просыпалась в теле.
Он даже сел. Гудело в голове.

Он ею тряс и тряс… война гудела.
Немецкая колонна шла к мосту.
А пушка всё молчала и молчала,
Ждала заряд: «Вставай, боец, вставай!
Чего-то я без дела заскучала.
Ну, встанешь, наконец, ты или нет?»
«Как вы достали! Что же вам неймётся?»
А пушке что? «Мозги не канифоль.
Дай немцу прикурить, ведь ты ж наводчик.
К мосту ведь рвется, гад, а ты ни в зуб ногой.
Эх, лежебока! тоже мне – разлёгся…
Ну, в общем, я готова. Заряжай!
Ага, порядок. Вижу, дело будет.
Теперь давай, давай, боец. Огонь!»
Танк головной застопорил колонну:
Снаряд прямёхонько вонзился в бензобак.
Танк огрызнулся: «Я в огне! Вот, падаль!
Мать вашу в крестовину, я подбит!»
А пушка разошлась: «Давай, солдатик!
Пожарче, эх, пожарче наподдай!»
А на мосту в огне всё полыхало.
Ну, натворил Георгий дел немалых!
Уже десяток вражеских машин горело.
Бинокли немцев рыскали по полю,
Искали батарею русских, что смогла
Так ловко жечь их танки из укрытий.
И было им, конечно, невдомёк,
Что не было пред ними батареи,
А была пушка лишь одна,

И лишь один контуженый наводчик.
Но, правда, это был наводчик – русский!
……...
Дым от горевшей танковой колоны
Надежно закрывали позицию от немцев.
Сеть маскировочная тоже не пустяк.
Прямой наводкой пушка огрызалась час,
не меньше.
А дальше – всё! Накрыли с потрохами.
От пушки – искорёженный металл.
Георгий жив ещё. Да смерть-то близко.
«Ну, что, боец? Тебе уже пора».
«И, слава Богу, что уже пора.
Теперь-то отдохну». «Да отдохнешь теперь-то.
Теперь-то можно. Сделал всё, что мог».
«Донбасс-то вспомнит ли?»
«Донбасс, поверь мне, вспомнит.
Ведь ты мужик, ты русский. С миром спи».

-2-

Мальчишки вырвались из дома:
Ведь им по барабану всё.
И – ходу в лес, лопаты прихватив.
Бои здесь шли. Оружия навалом.
Вот и отправились копать.
«Идти, ну, так идти. Что ж долго думать?»
У Кости зуд проснулся – тот ещё оторва:
В башку втемяшится какая блажь,

Сам чёрт тогда ему не брат.
Идея больно хороша: «Ну, что, ребята,
Махнём, не глядя, через мост
поближе к лесу?»
Он задержался на мосту, сказал: «Идите!
Чего-чего… Я догоню. Чего пристали?»
Ушли ребята, ну, а Костя вдруг подумал:
«Я где-то слышал, что вот здесь
застряли немцы,
Когда во время той войны входили в город».
Спросил: «Ну, что, мостище,
немцам здесь досталось?»
«Досталось, парень, ох, как им досталось».
«Наверно, наши все бойцы погибли?»
«Это было.
Да только не бойцы, – боец.
Он многих стоил».
«А где ж теперь его искать?»
«Вон, за пригорком.
Там упокоился солдат, там его слава».
«Ну, что ж, так я пошёл?»
«Иди, иди, соколик.
Пора его уже найти: приспело время».
……
В охотку Костя всё копал, да притомился.
Он пистолет отрыл, винтовку, каску, ножик…
Из ямы вылез и к берёзе прислонился.
«Ну, что устал?
«Устал, берёза, даже очень.

А что, здесь, правда, пал боец,
Что немцев встретил,
И он один устроил им головомойку?
«Да, было, видела его ещё девчонкой.
Стрелял из пушки до конца. Погиб геройски.
И честь отдал ему немецкий офицер.
Так было.
И приказал похоронить там, где копаешь.
Армейскую он книжку положил на холмик,
Ещё раз честь отдав, сказал своим солдатам:
«Так надо воевать, как этот русский!».
А местные, когда прошла колона,
С собой армейскую забрали книжку.
Вкопали крест. Фамилию и имя,
И дату смерти на фанерке написали.
Но память о солдате затерялась
И подвиг тот был позабыт народом.
А ты был призван Богом в это место,
Чтобы герой вернулся в свой народ.
Ну, отдохнул, пора и за работу.
А пушка рядом. Коль захочешь, откопаешь.
Да пацанов своих зови, ловчее будет».
……
До вечера копали следопыты.
И прихватили пистолет, винтовку,
ножик, каску.
А Костя фляжку взял с фамилией бойца
на память.
Пришёл домой. Отец со смены не вернулся.

Уроки сделал быстро, да и спать улёгся.
А фляжку положил на пол с кроватью рядом.
И сон войны ему шептал: «Спи, непоседа».

-3 -

С утра отцу пришлось рассказывать,
как было.
Тот выслушал, но, правда, не ругал.
А фляжку взял, с собой понёс куда-то.
«Ну, слава Богу, пронесло.
Могло быть хуже:
Такие штучки не проходят даром».
А через пару дней отец, придя с работы,
Вдруг сына обнял и поцеловал:
«Большое дело сделали, ребята!
Боец-то тот героем оказался,
Героем бывшего Советского Союза.
Посмертно, а пред Богом – навсегда.
И хоть Союз-то наш распался,
Да и война уже стучится в двери,
Чтобы пошли отец на сына, брат на брата,
Но подвиг остаётся подвигом навеки.
……
В Москву отец поехал: дома не сиделось.
А Костик с бабушкой остался ждать его.
Ну, до Москвы отец доехал без проблем,
Пошёл по адресу, что выдали ему в архиве.
В дверь позвонил. Открыли, но не сразу.

Мужчина средних лет, с ним
девочка-подросток:
Как видно, дочь. «Простите, вам кого?»
«Да мне бы Снегиревых. Вы ли это?»
«Да, это мы. А что-нибудь случилось?
Чем я могу вам быть полезен?»
«Вы понимаете, я сам из-под Донецка.
Сынишка мой со школьными друзьями
Нашёл солдатскую могилу.
А вскоре выяснилось: в ней лежит
Георгий Снегирёв, Герой Советского Союза.
Посмертно звание присвоено ему,
А место погребения надолго позабыто».
«Георгий Снегирёв? Так звали деда моего.
И он действительно Герой Советского Союза,
А где его могила, мы не знаем.
Так, значит, это он… Прошу вас, заходите».

-4-

Два дня в Москве и снова – в поезде. Домой!
А Снегирёв извелся, бедолага,
И спит без задних ног на верхней полке.
Два дня отец улаживал свои дела:
«И, слава Богу, едем уже, едем!
В гостях, как говорится, хорошо,
а дома лучше».
Он ночью выходил на остановках покурить,
Заснуть не мог, всё думал о солдате.

Фашистов бил герой и жизнь не пожалел,
Да разве изведешь их всех под корень?
Они опять на Украине голову подняли.
«Эх, свастику им в глотку, подлецам!
Ну, что, Георгий, скажешь? Как же жить?»
«Так и живи, как жил народ веками.
Но никогда, ты слышишь, никогда
Не забывай своих корней
И славу русскую храни,
И Богу русскому молись,
Ведь ты же русский духом.
Ведь жизнь, братишка, надо заслужить».
«А в чем же её суть?»
«Да в милосердье. И в любви.
В той жертвенной любви,
Что на земле зовётся «Подвиг».
…….
С колен поднявшись от могилы,
Награду деда Снегирев убрал в карман.
Ещё раз поклонился обелиску
И тихо, почти шёпотом, сказал:
«За всё, Донбасс, тебе спасибо.
Спасибо, что ты деда не забыл
И память сохранил о русском воине».
И тут береза зашумела вдруг листвой:
«Перекреститесь! Ведь негоже так-то.
Коль люди вы, молитесь за людей,
Чтоб чистота умыла ваши души.
А я за вас молиться буду в тишине.

Ведь тишина – она для всех.
Учитесь слушать.
Здесь русский воин пал, сражаясь за Донбасс.
Он знал: за ним была Россия.
Он так же знал, что даже смерти
Жизнь невозможно покорить.
Она непобедима!»

Голуби

- 1 -

Об Волгу споткнулась фашистская сволочь.
В смертельном огне полыхал Сталинград.
Всё! Шутки закончились! Им наподдали!
Они своё зло вымещали на людях
К войне непричастных: на гражданах мирных.
В них умерли немцы – проснулись фашисты
Куда подевалась их жалость героев?
Убийства, насилие стало их нормой.
Они убивали, они озверели.
Пылал Сталинград, а они всё озверели,
И, может, впервые им было так страшно.
И страх заставлял их звереть ещё больше –
Заложников страха, безбожников веры!
……
А жизнь продолжалась. В деревне всё тихо,
Но как-то безлюдно, безрадостно как-то.
Виталька забрался в свою голубятню:
Ему было скучно, хотелось размяться.
Он стал выпускать голубей на свободу,
А двое никак улетать не хотели.
«Вы, что заболели? Чего здесь застряли?»
«Не хочется нам! Ты оставь нас в покое».
«Ну, дело-то ваше. Раз вы не хотите,
Сидите, скучайте».
По лестнице быстро взобрался на крышу,

И красная майка на длинном шесте
Вдруг вся распушилась как красное знамя.
И свист с детских губ, не сдержавшись,
сорвался так звонко,
Что голуби взмыли к огромному небу,
Махая крылами свободно и гордо.
…….
Горел Сталинград… Шла колона фашистов.
«А вот и деревня. Всё тихо… Постойте!
Смотри-ка, – мальчишка! И голуби в небе.
А тряпкой он машет, как знаменем красным.
Ах, выродок русский, тебе ль издеваться!» –
Вскричал офицер. Пистолет был на взводе.
И выстрелил он, словно в куклу, два раза.
Два лающих звука издал его «Вальтер»,
И с крыши упал беззаботный мальчишка.
Солдаты смеялись: «Затея, что надо!»
И, «шмайсеры» вскинув, стреляли, стреляли
В высокое, чистое, русское небо.
И падали голуби рядом с мальчишкой –
Носители мира, носители жизни.

-2-

Мать с младшим братишкой хоронят Витальку
И с ним голубей, милых сердцу, да мёртвых…
Мать плакала, плакала, плакал Сережка:
«Зачем ты полез на свою голубятню?»
Пылал Сталинград. Наступали фашисты.

Как рано взрослеют в четыре-то года!
Братишку убили. Сережке так больно.
И мать жалко очень: всё плачет и плачет.
Сережка залез в голубятню и обмер, –
В живых голубок и голубка остались.
«Ну, как так случилось, что вы не летали?»
«Вот, так и случилось. Летать не хотелось.
Какая-то сила нам крылья связала
И в небо со всеми не дала подняться».
Сережка вздохнул: «Всех убили фашисты.
И брата, и ваших сородичей тоже.
Теперь вы остались одни. Что же дальше?
«А дальше – мы будем летать! Ты не бойся».

-3-

А Сталинград ещё пылал. Но это пламя
Уже сгубило полчища фашистов…
Колонна русских пехотинцев шла
через деревню.
Везде одно и то же видели солдаты:
Смерть, тишина и слезы матерей.
Как больно было видеть им всё это,
Хоть ко всему уже привыкли,
И белый снег давно покрыл
Останки русских деревень.
И вдруг!.. «Смотрите, голубятня!
Смотрите, вон, мальчонка наверху.
И шест в его руках увенчан красной майкой!

Он машет им, как будто красным флагом.
А в небе, посмотрите… Это ж чудо:
Увидишь ли такое где зимой!
Два голубя кружатся над снегами,
Как летом, в танце жизни и любви!»
……
И русские солдаты проходили
под этим чудом
В форме императорских полков,
Тех самых, что ещё в начале века
Пред Богом присягали в бой идти
За веру, за Царя и за Отечество.
И, вот, сейчас, как только окрылили
Погоны царские советских рядовых
И золотом легли на плечи офицеров,
Мгновенно изменился ход войны:
Она лицом на Запад повернулась,
Туда, откуда начался её разбег.
Да, Сталинград пылающий не сдался!
Солдаты улыбались, глядя в небо
На парочку влюблённых голубей.
И каждый думал о своей любимой,
Что где-то ждёт его живым и невредимым,
И молится, и молится о нём.
И каждый верил: ничего с ним не случится,
Раз голуби зимой кружатся над Россией.

Во имя жизни

- 1 -

Село сожгли. А партизаны опоздали,
Так полыхало! В жилах стыла кровь.
Не просто выжгли всё, а, гады, лютовали:
В округе ни одной живой души.
На пепелище командир отряда
Поднял икону, положил в карман.
Не стал креститься, он не верил в Бога.
Тут детский плач встревожил мужика.
Он нервно головешки раскидал,
Не чувствуя ни боли, ни ожогов.
Открылся лаз. И он полез в подполье.
В дыму мальчишка, плача, задыхался.
На Божий свет он вытащил его.
Тот с перепугу рвался, упираясь.
Его схватил да на плечо рванул,
Так и понёс. Мальчишка стих и замер.
……
Мальчишкой был, а нынче взрослым стал.
Сожгли отца и мать… Болел Пахомка.
В лесу, в отряде партизанском,
Теряя жизнь, он вздумал умирать:
Температура вырвалась за сорок.
Три дня врач колдовал, три дня борьбы.
И организм не сдался, мальчик выжил.
Открыл глаза, а потолок возьми да и скажи:

«Что, парень, оклемался вроде?
«Да отвяжись! А лучше мне скажи:
Зачем мои родители погибли?»
А потолок потёк, как молоко:
«Чтоб жить тебе! Так будь достоин жертвы.
А сколько тех родителей Руси
Ценою жизней молодость спасали?
Любовь дарили будущим потомкам,
И ради них в страданьях умирали».

-2-

Терзали землю сапоги врагов,
терзали землю.
А ночь, она для всех одна. Спят Божьи люди.
А командиру недосуг, собрался в город.
Да и Пахомке не спалось, с ним увязался.
Малец, конечно, отказать причины были,
Да командир решил: «Прикрытие, что надо».
Он местный был, а в город
пробираться с сыном
Надёжнее. Вот, и пошли они под утро.
А попятам предатель крался незаметно.
Его в отряде уважали: «Славный парень!
Взрывал мосты и немца бил.
Мужик, что надо!».
Спешил на явку командир, да разморило.
Сказал Пахомке: «Отдохну, а ты будь рядом».
Сел у сосны передохнуть и не заметил,

Как отключился. Ну, уснул, короче.
Пахомка стал грибы искать, да и увлёкся
Их столько было! И азарт проснулся сразу.
Но вдруг он на другую сторону оврага
Взглянул и замер: он увидел немцев.
Они бесшумно пробирались меж деревьев,
Прочёсывая каждый метр леса.
«Что делать?» – мысль пронзила
мозг Пахомки.
Не долго думая, рванул обратно.
А командир всё спал и спал,
ну, хоть бы дрогнул.
А лес затих, а лес молчал, он ждал чего-то.
Ну, хоть бы что-нибудь шепнул.
Молчали птицы.
Уж им-то, что не петь? А, вот, молчали.
Злорадствовал предатель, даже матерился
От предвкушения иудиной награды.
……
Винтовочка смотрела прямо в лоб
Уснувшему так сладко командиру.
Осталось малость: надавить курок,
А после проводить карательный отряд
Туда, где партизанский лагерь находился.
Но что-то вдруг пошло не так.
Вдруг палец потянул курок, раздался выстрел,
И пуля полетела не в того, кого хотела.
Пахомка оказался на её пути!
«Откуда здесь оторва этот появился?» –

Предатель даже заскулил от неудачи.
Хоть боль скрутила грудь Пахомки,
Но он успел
Издать предсмертный крик.
И крик ворвался
В сон командира. Тот вскочил пружиной.
И пистолет в его руке пять раз рванулся.
Предатель дернулся, упал и замер.
Пахомка воздух всё глотал и задыхался:
«Там немцы по лесу идут…идут…
спасайтесь».
И умер просто, как и жил. Спас командира
И партизанский весь отряд. Ценою жизни.
А было хлопцу лишь двенадцать лет.
А что он видел? Только смерть своих
любимых.
А отдал жизнь за жизнь других. За командира.
И, значит, умер за народ и за Россию.

-3-

А сколько на Руси таких мальчишек было?
В земле их память и в деревьях память,
И в травах память. И повсюду память!
Они умели жить и умирать умели.
Безвестно погибали, их могилки забывали.
Да разве всех упомнишь? Их так много.
Но, коли живы мы, то, значит, и они
Незримо в нашей памяти живут.

Ведь память так важна для человека:
В ней искра Божия не гаснет.
И пусть трава покрыла те могилки,
Что так разбросаны по всей Руси,
Но подвиг каждого живёт в его потомках,
А значит, в каждом русском человеке.
И каждый русский человек
склониться должен
Пред каждым холмиком, что встретит на Руси,
Быть может там, под ним, лежит
Такой же мальчик, как Пахомка,
Или погибший русский воин.
Может быть…
……
Отряд остался жить. Он уходил в леса.
А брянщина богата русской славой,
И вечной памятью Пахомки.
И лес всплакнул: «Покойся, парень, с миром».
И выстрелы, прорезав тишину,
Салютом прогремели над могилкой,
И птичьи голоса проснулись:
«Спи, мальчишка!»
И вечер надрывался, как чумной,
Тревожа землю плачем о погибшем.
А командир достал икону, что тогда
Нашёл в деревне, немцами сожжённой.
Смотрел он долго на неё, а после в лес пошёл.
И первый раз в слезах молился Богу.

Торжество жизни

- 1 -

Своей морозную рукой
Опять сковала воздух стужа.
Война фашистским сапогом
Вдавила жизнь в безлюдный город –
В застывший, опустевший город.
И лишь расстрелы оглашали
Суровую судьбу людей…
Тимур задумчиво смотрел в окно.
Он знал, что город не сдаётся,
Пока на улицах звучит чужая
и раздражающая речь.
Он знал!
А город спал и думал про себя,
что не проснётся до тех пор
Пока на улицах не зазвучит, как прежде,
Такой привычный и щемящий детский смех.
Тимур оделся, выбежал во двор.
Он был один среди огромной ночи,
И лишь собака завывала где-то.
Он был один.
А снег просился в руки,
А снег дышал мерцанием луны,
Искрился серебром и тихо так просил:
«Ну, что ты медлишь?
Возьми меня, катай меня, катай.

Лепи же бабу снежную. Я жду».
Тимур растер замершие ладони
И стал катать белёсые шары,
И водружать их друг на друга.
Потом достал свой нож и стал им колдовать.
Трудился не спеша, самозабвенно.
И женские черты вдруг проступили,
Напоминая мать Тимура,
Убитую фашистами вчера.
А мальчик всё работал и работал,
Срезая лишнее, где нужно, а где нужно,
Беря горстями свежий снег,
Лепил недостающие детали.
И вот пред ним стояла мама в белом платье,
В косынке белой, обрамляющей,
как нимбом,
Такое близкое, но белое лицо.
Тимур молчал. А мать заговорила:
«Не плачь, сынок, мы встретимся на Небе.
А ты живи, сынок, живи. Ты должен жить.
Не забывай меня и помни,
Что ты рождён под русским небом
И, значит, ты навеки русский человек».
«Ах, мамочка Алёнка приболела.
А бабушка вдруг вздумала хромать.
Мы голодаем, очень голодаем,
И некому нас пожалеть,
И некому утешить нас, родная».
«Тимур, мой мальчик, это всё пройдёт.

Бог не оставит вас, вы будьте только вместе…
Я замолкаю. Время истекло,
Отмеренное мне для нашей встречи.
А ты не бойся, ничего не бойся,
Ведь, что бы ни случилось – всё от Бога,
А Он уж знает, что полезно нам.
Так будь всегда покорен Его воле.
Я замолкаю. Мне пора. До встречи.
Прости, сыночек, милый мой, любимый.
Я снова превращаюсь в снег».
……
А город просыпался, всё же просыпался,
Окутанный дыханием студеным
И верой тех, кто презирал войну.
И смерть.
И этой верой город будет жить!

-2-

Тимурка в снег уселся и смотрел на мать,
И не заметил, как к нему бесшумно
Приблизились подвыпившие немцы
И с удивлением на женщину глядели.
На бабу снежную глядели,
Что так была похожа на живую.
А Шульц как гаркнет что-то там своё.
Тимурка подскочил и инстинктивно
Мать заслонил своим дрожащим телом.
А немец громко хохотал. Его друзья молчали.

И Шульц в истерике им заорал:«Зачем,
Послушай, Вилли, он её слепил?
Я это самое искусство ненавижу.
Как и мальчишку ненавижу. Всех!
Всех русских ненавижу, и давить их буду!»
К Тимуру подошёл и в сторону рванул,
И, вскинув автомат, он очередью длинной
Прошил фигуру матери насквозь,
И начал бить ногой скульптуру, превращая
в уродливую кучу снега,
Пока не растоптал её совсем.
Тимур рванулся и вцепился в ногу немца.
А Шульц за волосы его схватил,
С ноги сорвал и, размахнувшись,
В лицо впечатал бешеный кулак.
И, хохоча, пошёл своей дорогой.
Тимур сознанье потерял, лежал в снегу.
А люди в окнах от бессилья задыхались.
И Вилли тяжело смотрел на парня.
Своим друзьям сказал: «Пошли.
Нас ждёт война. А все же парня жалко».
……..
К Тимуру люди подошли
и, бережно подняв со снега,
Неторопливо понесли в квартиру.
И женщины украдкой утирали слёзы.
И на суровых лицах мужиков
Сквозила ненависть и души раздирала злоба.
Война сковала лица и сердца…

А в городе свирепствовали немцы:
Хватали всех, кто в руки попадал им.
И убивали, убивали.
И кровь на белый снег текла рекой…
Старушка, доживая долгий век,
Куда-то шла и шла не торопясь,
И на больную ногу припадала.
Остановившись, чтоб передохнуть,
Неистово клюкой своей грозила.
Кому? Да ясно же, кому!
И Шульц, её увидев, зарычал.
И автомат его зашёлся смертным лаем.
Старушка, вскрикнув, опустилась в снег.
А Шульц пошёл, шатаясь, как на ощупь.
Его пугали взрывы, что он слышал:
Всё ближе, ближе к городу был фронт.

- 3 -

«Да что же бабушки-то нет?
Ушла на рынок и пропала».
Тимуру дома не сиделось,
И он пошёл на улицу встречать её.
Ночная стужа отступила,
и падал сонный снег.
Всё падал, падал, падал…
Он полчаса прождал, и стало ждать невмоготу.
И снова он скатал три снежных шара
И водрузил их друг на друга.

И снова ножик делал своё дело.
И проступали материнские черты.
Вдруг, улыбнувшись, мать ему сказала:
«Тимур, мой мальчик, успокойся:
Всё в Божьей власти – жизнь и смерть.
А ты опять из снега вылепи меня,
Как только одиноко тебе станет.
Ведь память невозможно уничтожить,
Ни расстрелять, ни растоптать ногами».
И снова мать глядела на него
Чуть-чуть печально и чуть-чуть устало.
Он вглядывался в милое лицо, –
Ему казалось, что чего-то не хватало.
И вдруг, в каком-то неосознанном порыве,
Он повязал на шею матери
свой пионерский галстук,
Свой красный галстук,
что за пазухой хранил, как драгоценность.
……
А Вилли наблюдал за этой сценой,
И что-то шевельнулось в его сердце,
И что-то ожило в его душе озябшей:
Ведь где-то его сын, вот так же в Рождество,
О нём скучает и беседует с ним также,
Как этот мальчик с матерью своей…
Тимур обнял скульптуру и заплакал.
Да, он скучал, испытывая боль.
Сердечко колотилось. Мальчик плакал.
И Вилли вдруг не выдержал,

окликнул паренька.
Тимур напрягся, вздрогнул,
развернулся к немцу,
И мать закрыл дрожащим телом.
И Вилли, посмотрев ему в глаза,
Ушёл, не проронив ни слова.
Он уходил… он отступал… бежал!
А русские солдаты прорывались в город.
И крики слышались, и взрывы,
И где-то рядом проливалась кровь.
……..
Алёнка, выскочив из дома,
Тимура обняла и стала помогать ему.
И вот уже к концу идёт работа.
Из окон люди молча наблюдали,
Как проступали женские знакомые черты,
Рождённые из свежевыпавшего снега.
Холодный ветер теребил
Завязанный на шее красный галстук.
Он возвещал со всею мощью жизни,
Что эту женщину, рожденную из снега,
Не уничтожит бешенством война.
Ведь руки, что лепили это чудо,
Согреты были солнечным теплом –
Теплом Алёнки и бесстрашного Тимура.
И русских сыновей встречала мать,
Смерть победившая любовью!

Кафе памяти

(Гео-пьеса)

Мистика реальности

«Версты млечного пути…»

I действие

Окраина Москвы. Одинокое кафе. Слышатся приглушенные разговоры собравшейся публики.
На сцене стоит стул. К нему прислонена гитара. На спинке стула висит военный китель. Воссоздана копия картины, что висит на левой стороне сцены. Ёе автор - художник Владимир Рябухин. Кафе вслушивается в разговоры. Каждый вечер оно выбирает один из них. И запоминает. Разговор эмоций и споров. И обеспечивает условия, чтобы ему никто не мешал.

В кафе входят трое мужчин. Один из них воевал в Афганистане. Другой – в Чечне. Третий – на Донбассе, в ДНР. Они садятся за один столик.

«Афганец»: Странное кафе. Здесь ничего не подают. Хотя здесь уютно. Зачем вы меня сюда пригласили?

«Чеченец»: Для того, чтобы покончить с нашим спором раз и навсегда.

«ДНРовец»: Ну, действительно, нужно поставить точку. Меня уже достал извечный вопрос: чья война главнее? Поэтому я хочу

рассказать свою историю. Один случай из моей жизни.

Встаёт. Подходит к окну. Из пачки достаёт сигарету, прикуривает, нервно затягивается. Возвращается к столику, садится. Тушит сигарету.

«ДНРовец»: Я с братом попал под бомбёжку. Возвращаясь на блокпост, в развалинах частного дома мы услышали плач. Из-под кучи кирпичей и досок выполз мальчуган. Протянул к нам руки. Мы взяли его с собой. Опять попали под бомбёжку. Ранило всех. Меня только зацепило. Передо мною встал выбор: кого спасать? Я решил спасти ребёнка. У ближайшего жилья встретился старик. Молча забрал у меня ребёнка. И ушёл. В общем, брат погиб, а я жив. Странный старик…

«Чеченец»: Теперь я расскажу свою историю. Был бой. В живых остались я и Колька. Друг. Оба контуженные. Оба из нового пополнения. На первом же задании наша группа попала в засаду. А вместе с ней и мы. Но мы выжили. Нам с Колькой удалось уйти в горы. Снова напоролись на местных. Какое-то время отстреливались, но нас «успокоили» гранатами. И ушли. Видимо, решили, что убили обоих. Но

я оставался в сознании, хоть и был весть посечён осколками. Израненный, но живой. А моего Кольку убило. Вдруг вижу: старик. Откуда он взялся? В общем, он меня выходил. Потом доставил в нашим. И больше я его не видел.

«Афганец»: О старике и я расскажу. Попал я в плен. Посадили меня в яму. Перед этим долго и упорно били. Потом в яму бросили ещё одного бойца. Потом начался ад. К нам в яму стали бросать змей. На дне было два булыжника. Ими и защищались. Боец погиб от укусов змей. Ему не повезло. А к вечеру к краю ямы подошёл старик, кинул мне узелок, и ушёл. В узелке была еда. А вскоре наши парни накрыли это место. Поэтому я живой. А старика того больше не видел. Да, странный старик… Сейчас говорят, что Афган – это была политическая авантюра советского правительства. Не знаю… В Афган мы шли по зову сердца. Мы защищали Родину. Мы знали, за что умирали. И я не жалею ни о чём. Такой мужской дружбы, какая мне открылась там, я не встречал больше нигде.

«Чеченец»: И что? А мы шли по приказу. Мы выполняли свой воинский долг. Долг перед Родиной.. И мы тоже умирали. И честь свою не уронили.

«ДНРовец»: А мы защищаем русский народ сейчас. И тоже отдаём свои жизни за Родину. Любим и верим в победу. И мы победим.

…А старец шёл по земле, чтобы дождаться своего часа и выполнить свою миссию…

II действие

Одинокое кафе. Слышатся приглушенные разговоры собравшихся. Рядом стоят два столика. За одним из них, друг против друга, сидят мужчина и женщина. Оба весьма преклонного возраста. Они внимательно прислушиваются к разговору трёх воинов, прошедших через три «малые» войны. Те замечают это. И обращаются к ним с просьбой принять участие в разговоре. Мужчина и женщина подсаживаются к ним. Трое собеседников просят рассудить их спор. Подсевший к столику мужчина, ветеран Великой отечественной войны, пускается в воспоминания. Он сосредоточен и напряжён до предела.

«Ветеран ВОВ»: Когда мы отступали, я много встречал стариков на нашем пути. Самым тяжёлым и страшным было отвечать на их

вопрос, почему мы их бросаем на съедение фашистам? Однажды наше подразделение попало в окружение и мы застряли в болотах. Невесть откуда появился дед. Он вызвался нас провести через болота. И вывел в безопасное место. Я его спросил, почему он это сделал. А он улыбнулся и сказал, что это его долг. Не успели мы опомниться, как он исчез. Исчез так же, как и появился… Вы спрашиваете, какая война главнее? Я не знаю, что вам ответить. Скажу одно: защищая свою Родину, мы защищаем наше прошлое, настоящее и будущее. Мужчина вытер платком лоб и обратился к женщине: «А вы что обо всём этом думаете?»
Женщина, будто вынырнув из своих воспоминаний, улыбнулась одними уголками губ.Пристально посмотрела на всех, и светлая грусть легла на её лицо.

Женщина: Бог дал мне десять детей. Жили не тужили. А началась война, муж и двое старших сыновей ушли на фронт и там пропали без вести. В наше село пришли немцы. Дом наш был построен на совесть. Немцы разместили в нём свой штаб. А меня с детьми высели в вырытую землянку. Там мы и ютились. Правда, немцы нас не обижали. Офицер иногда даже угощал детей шоколадом. Линия фронта была недалеко. Но бои на время прекратились. Рядом

с нашей деревней находилась ничейная территория, бывшие колхозные поля. Там мои старшие собирали капусту, морковь, картошку, свёклу. Часто под огнём. Наши и немцы постоянно перестреливались между собой. Но Бог миловал – никто не погиб… Вы спрашиваете, какая война главнее? Никакая! Все главные. Страшнее войны на земле ничего нет. Для матерей война – это море похоронок. Это вдовья участь. Это одиночество старости. А старость без внуков – это вымирание. На любой войне вы, мужчины, защищали и защищаете своё будущее, даже, если этого вы и не осознаёте.

Молчаливое кафе давно обратило внимание на этот разговор. Сегодня оно остановило свой выбор на тех, кто так увлечённо рассуждал о войне, пустившись в воспоминания. Оно решило дать возможность этим людям встретиться со своим прошлым. Они заинтересовали его по-настоящему. Давая их чувствам «зелёный свет», кафе устроило так, что присутствующие в зале посетители стали покидать его. И происходило это как-то незаметно. Когда ушёл последний посетитель, свет погас. Над столиком нависла тишина. И, прерывая эту тишину, вдруг раздался голос. Голос Молчаливого кафе:

«Сегодня у вас есть возможность поговорить с теми, кого вы когда-то потеряли. Если вы согласны, то можно начинать».

За столиком воцарилось недоумённое напряжение. Мужчина опомнился первым. Нервно спросил: «А кто с нами разговаривает?».

Кафе: С вами разговариваю я – Кафе. Так вы согласны или нет?

Все (хором): Да!

Напряжение ушло и осталось только пугающее любопытство. Оно выражалось во взглядах уже ждущих встречи со своим прошлым. Да, они были готовы к этой встрече. И только женщина не знала, с кем ей предстоит встреча. Мужа встретить она не хотела. Привыкла уже без него в одиночестве доживать свой век. Кафе услышало её чувства. Женщина нервно теребила в руках платок. Сидела как на иголках. И Кафе само приняло решение. Оно знало, с кем женщина встретится. Оно знало.

III действие

Одинокое кафе. На сцене стоит стул. К нему прислонена гитара. На спинке стула висит военный китель. За столиком сидят пять человек. В полной тишине в полумрак кафе входит официант. Поднимается на сцену. Ставит около стула канделябр на пять свечей. Потом подходит к столику и ставит ещё один канделябр на пять свечей. И, не говоря ни слова, уходит. Мгновение – и на сцене загораются свечи. На стуле сидит человек и внимательно смотрит в зал на «ДНРовца». Это его погибший брат. «ДНРовец» не выдерживает взгляда, опускает глаза.

Погибший брат: Ну, здравствуй, Семён.

«ДНРовец»: Здравствуй.

Брат: Не терзай себя, Семён. У тебя был очень трудный выбор. Ты принял правильное решение: спасать ребёнка. И я бы так поступил. А я всё равно был уже не жилец.

Семён: Но я бы мог тащить вас обоих. И, возможно, у тебя был бы шанс.

Брат: Нет, шансов не было. А ребёнок бы умер. Ты всё сделал правильно.

Лёгкая поволока окутала сцену. Она была подобием воспоминаний. Она слегка колыхалась. Потом полностью закрыла сцену, как тюлевый занавес. И, наконец, замерев, исчезла. На стуле сидел боец. Он весь сжался, сосредоточенно глядя в пол. Пальцы плотно прилегали к коленям. Но вот минутное напряжение прошло. Он поднял голову и медленно выпрямился. Сочувственно посмотрел на «Афганца».

Боец: Ну, ты как, браток?

«Афганец»: Да я, вот, выжил. Наши помогли. Да ещё тот старик, бросивший мне в яму узелок. Там была еда.

Боец: Какой старик?

«Афганец»: Не знаю. Но его появление было как чудо. А вот с тобой чуда не произошло. Я не смог тебе помочь. Прости.

Боец: Не переживай. Значит, мой путь на земле именно тогда должен был закончиться. Я ни о чём не жалею. И ты не жалей.

Лёгкая поволока окутала сцену. Заиграла прозрачными разноцветными линиями. Заискрилась сверкающими снежинками. И, наконец, растаяла лёгким ветерком. На стуле сидел высокий молодой человек. Благородная седина покрывала его голову. Казалось, его ничуть не интересовало, зачем он здесь появился. Он сосредоточенно смотрел в окно на голубя, что примостился на подоконнике. Однако, это впечатление было обманчивым. Он обратил свой взгляд на «Чеченца».

Колька: Здравствуй, друг. Вот мы и встретились. Отчего хмуришься?

«Чеченец»: Трудно терять друзей. Трудно без них. Нет опоры в жизни. Кому нужен детдомовец с искалеченной душой. Водка не помогает. За что воевали? За что умирали?

Колька: Умирали! Умирали за тех, кто придёт после нас. Россия-то жива.

«Чеченец»: Жива.

Колька: А раз жива, значит, есть и будут те, кто нас помянёт, когда придёт срок. Пока в России

есть, кому помянуть, кровь наша проливается не напрасно.

Тревожная поволока блестящим шёлком опускается сверху, закрывая сцену едва прозрачным занавесом. Слегка колышется и постепенно тает лёгкое облачко, незаметно растворяясь в воздухе. На стуле сидит старик. Лицо, изборождённое морщинами, светится внутренним светом. Мудрые глаза с любовью смотрят на присутствующих. Кажется, что его взгляд ждёт вопросов. За столиком царит изумлённое молчание. Молчание узнавания. Не дождавшись вопросов, старик обращается к мужчине. Хотя его обращение звучит ко всем.

Старец: Вот мы и встретились.

Над столиком опять повисает молчание.

Старец: Вижу, мужская половина меня узнала.

Мужчина: Мы обязаны вам жизнью. Но почему мы, а не другие, те, которые погибли? Почему мы?

Старец: Потому, что вас выбрал Господь, а значит, ваш земной путь не окончен. А почему

вас? Не нам решать. Пути Господни неисповедимы

Поволока до раскалённости нагретого воздуха окутывает старца. И он как бы входит в неё. И, наконец, полумрак успокаивает напряжение. Вся пятёрка заворожено смотрит на горящие свечи. И только женщина молитвенной слезой пытается зацепиться за свою память как утопающий за соломинку.

IV действие

Одинокое кафе. На сцене стоит всё тот же стул. К нему прислонена всё та же гитара. На спинке висит всё тот же китель. Всё так же горят свечи. Кафе прерывает затянувшееся молчание.

Кафе: Ну, что ж. Моё время истекает. А вам пришло время заново осмысливать свою жизнь. И я вам дам к этому толчок. Вы готовы?

Все (хором): Да!

На сцене легкими паутинками начинают вырисовываться некие силуэты и, впитывая черты видимости, наконец, обретают форму людей. Теперь на сцене всё та же четвёрка

военных. И с ними маленькая девочка. Она смотрит на женщину. Они узнали друг друга. Женщина была не готова к этой встрече. Ведь это – она. Только ещё совсем ребёнок.. У женщины мелко начинают дрожать руки. Кадык нервно сглатывает слюну. Старик на сцене, чуть опустив голову, о чём-то сосредоточенно размышляет. Затем, заинтересованно посмотрев на присутствующих в зале, принимает решение.

Старец: Каждому из вас дана возможность поговорить друг с другом наедине. Из кафе вы будете выходить по двое. У вас немного времени. Поэтому не теряйте его.

Первым спускается со сцены Брат. Он подходит к «ДНРовцу», и они молча покидают кафе. На сцене гаснет первая свеча. Затем со сцены спускается Боец. Он походит к «Афганцу», и они тоже покидают кафе. Гаснет вторая свеча. Потом наступает очередь Высокого молодого человека. Он спускается со сцены, и они уходят из кафе. Старец обращается к Мужчине.

Старец: Вам следует обернуться в дверях. Вас ждёт ваша жена. Вы вдовец, и не видели её с войны. Она на поле боя спасала командира соединения. Выносила его под ураганным огнём. Его спасла. Но у самой траншеи её

настигли пули. Санинструктор посмертно была удостоена звания Героя. Впрочем, она сама вам об этом расскажет.

На мужчине не было лица. Он, как во сне, повернул голову. Большим усилием воли заставил себя встать со стула. И на трясущихся ногах подошёл к жене. Она улыбалась, как улыбаются мужчине, которого по-настоящему любят. Взяла мужа под руку, и они, не отрывая взглядов друг от друга, покидают кафе. Гаснет четвёртая свеча.

Женщина, зачарованно смотрящая на девочку, мяла в ладонях платок, которым вытирала слёзы, так предательски обжигающие воспалённые глаза. Старец положил руку на плечо девочки и просто сказал: «Иди». Девочка спустилась со сцены и подошла к Женщине, взяла за руку и повлекла за собой. Женщина на негнущихся ногах пошла за ней. Погасла на сцене последняя свеча. Стало темно. Женщина и девочка остановились. И вдруг на столе, за которым только что сидели все, зажглась свеча. Девочка с удивлением вскрикнула: «Зачем она зажглась?»

Старец: Это свеча памяти. Памяти сорок первого года.

За первой свечой зажглась вторая.

Старец: Это свеча памяти сорок второго года.

За ними зажглась третья свеча.

Старец: Это свеча памяти сорок третьего года.

Четвёртая свеча вспыхнула чуть ярче трёх предыдущих.

Старец: А это свеча памяти сорок четвёртого года.

Пятая свеча вспыхнула ослепительным пламенем и, успокоившись, завершила это действо.

Старец: Идите и помните: пока горят эти свечи – это ваше время. Время, в которое вы должны понять и осмыслить главное в вашей жизни. Идите.

Девочка и Женщина, взявшись за руки, последними покинули кафе. Они сидели у пруда и разговаривали. С неба на них смотрели россыпи звёзд. Млечный Путь мягко

вглядывался в глаза девочки, и Женщина видела в них жемчужины света.

Девочка: Скажи, я всё время слышу: «Царь. Царь». Да слухи-то какие идут: убили, убили. Чем он провинился перед людьми? За что они его убили? Взрослые не говорят.

Женщина: Убили, девочка, убили. Хотя, нет. Не убили. Это он сам себя принёс в жертву. Принёс в жертву свою Семью.

Девочка: Но зачем?

Женщина: Ради любви к своему народу Ради того, чтобы Россия не задохнулась от собственной кровавой алчности. Чтобы не превратилась в сытую скотину, и не пожирало, как то чудовище, чужие жизни. Что бы наша Отчизна познала любовь и покаяние, смирение и молитву. Чтобы познала веру. И обрела мощь хлебосольства. Чтобы этот духовный свет, как эстафетный факел, передала будущим поколениям.

Девочка: Я, кажется, поняла.

Она печально улыбнулась и тихо сказала: «Мне пора.

Пятая свеча догорела. Млечный Путь зовёт меня».

Голубое покрывало Млечного Пути протянуло к девочке свою нить. Эта нить превратилась в светящуюся дорожку. Девочка ступила на неё и стала подниматься, на прощание помахав Женщине рукой. Потом она исчезла. Женщина вдруг увидела каким-то внутренним зрением, как девочка идёт по Мосту Времени в своё настоящее и в прошлое Женщины, осмысливающей свой путь. Путь к Богу.

V действие

Пусто. Одна сцена. На ней стоит стул. К нему прислонена гитара. На спинке стула – военный китель. Кафе исчезло. На сегодня его время вышло. Из темноты к стулу идет Старец. Он идёт грузной походкой, но в его движениях чувствуется сила. После убиения Царя ему было видение. Христос явился ему и повелел ходить по земле, и принимать последние парады убиенных героев, уходящих на Небо. Ходить до тех пор, пока с русского народа не будет снята епитимья, наложенная на него Богом за грех предательства Помазанника Божьего. Ходить до тех пор, пока на российский Престол снова не

взойдёт православный Царь. Царь Всея Руси. Только тогда для Старца придёт время покинуть землю. Только тогда его душа и душа России прислониться к Божьей благодати. Только тогда Россия поднимет голову и обретёт былую мощь и новую силу. Ибо в её народе течёт кровь Господня. А верой укрепляется дух Российский. А значит, никто не забыт и ничто не забыто.

Старец подходит к стулу. В правой руке у него две розы: белая и красная. Он их кладёт на землю. Снимает со спинки стула военный китель. Надевает его. Берёт гитару. Садится. К старцу с правой стороны сцены подходит Женщина. Старец поднимает цветы и отдаёт их Женщине. Пальцы его касаются струн. Он поёт.

Старец: «Бьётся в тесной печурке огонь…».

Лунный свет выхватывает сцену. Из темноты появляется строй солдат. На одних форма, в которой они воевали в Афганистане, на других форма, в которой они воевали в Чечне, на третьих форма ополченцев Донбасса. На четвёртых форма, опалённая на полях Великой Отечественной войны. Строй проходит мимо сцены, отдавая честь Старцу и Женщине. Старец и Женщина сходят со сцены, и походят к строю, который уходит на Небо.

Старец: Вам ли, сынки, честь мне отдавать? Вам ли? Спасибо вам, сынки, за всё спасибо.

Старец отвешивает солдатам глубокий поклон. Строй растворяется в Небе. Старец и Женщина оборачиваются к сцене. Её нет. Вместо неё могила. В изголовье водружён берёзовый крест. На нем фанерная табличка с надписью «Солдат». Женщина подходит к могиле и кладёт на неё две розы. Подходит к Старцу. Она готова разделить его судьбу.

Женщина: Я иду с вами. Я знаю, что все эти годы я ждала именно вас. Именно вы станете моим проводником. Я иду с вами, ибо только с вами я могу быть свободной. Ваш путь – это мой путь. Я готова этот путь разделить с вами.

Старец, вздохнув, утвердительно кивает головой. И они рука об руку идут в Новый день. Их фигуры превращаются в силуэты. Силуэты превращаются в звёзды. Их ослепительный блеск сопровождается звоном колоколов. С последним ударом колокола две звезда – Старец и Женщина – вливаются в Млечный Путь. И победным салютом из грохота войны начинает звучать песня: **«Бьётся в тесной печурке огонь…»**

Детский Мир

Стихи для детей

Печенюшка

Печенюшка ест печенье,
Очень любит день рожденья,
Любит солнышко весной,
Ходит рыжий и босой.
Он из фляжки по привычке
В мошек брызгает водичкой.
Очень храбрый мой дружок,
Смело дует в свой рожок.
Таракашки убегают,
Только лапки их сверкают.
Мне не страшно, я храбрюсь,
Испугались, ну, и пусть.
Неприлично в день рожденья
Вылезать без приглашенья,
Без печенья приходить.
Знайте – этому не быть!
Пусть они нам не мешают,
Если им не разрешают.
Не дадим озорничать!
Мы их будем отучать.
Ведь нас двое – это много,
Мы следим за ними строго.
Только топну ножкой я –
Пусть бояться, как огня.

Печенюшке стало плохо,
Он вдруг начал очень охать:
Ох, болит животик мой».
Я вспылил: «Гордись собой!
Я скажу тебе конкретно:
Много кушать на ночь вредно.
Чтоб обжорством не страдать,
Каждый должен меру знать».

Полминутка

Полминутка не простой –
Беспокойный, заводной.
Ничего ему не нужно,
Только б жить со всеми дружно,
Чтоб домашние часы
Не повесили носы.
Чтобы стрелки не ломались –
Поднимались, опускались.
Чтоб от пыли не чихать,
И от скуки не вздыхать.
Чтобы дети с ним играли,
Чтобы на пол не роняли.
Очень важно для него
Не расстроить никого.
На колесиках кататься,
Веселить и улыбаться.
И задуматься на миг,
Тик, да так…
Да тик…
Да тик…
Очень сладко потянуться,
Попрощаться и вернуться.

Чтобы люди тут и там
Просыпались по утрам.
Чтоб не злились, не ворчали,
А улыбкой день встречали.

Почемука

Почемука очень славный,
Он забавный и желанный.
Жду его я целый день,
И, признаюсь, мне не лень.
Он ужасный почемучка:
«Почему на небе тучка
И ни капельки дождя?»
Что ему отвечу я?
Я и сам еще не знаю.
Почему? Не понимаю.
«Потому, что потому…» –
Отвечаю я ему.
Он насупится немножко
И кидается картошкой.
Очень больно! Ничего, –
Понимаю я его…
Мы помиримся, похоже.
Поругались – ну, и что же…
Нам уже не привыкать
Враз мириться и прощать.
Надо просто улыбнуться,
Шмыгнуть носом и не дуться.
Ведь не ссорятся же зря
Настоящие друзья.

Колотошка

Колотошка весь седой.
Он какой-то не такой.
Только мысль к нему заскочит,
Скажет всю и захохочет.
Ну, не станет он молчать,
Чтоб не охать, не скучать.
Он отважный и упрямый,
Для меня он самый-самый.
Если врут, то он кричит.
Накричится и молчит.
Ножкой топнет и вздыхает,
Словно гвоздики вбивает.
Он, конечно, устает,
Потому, что он не врет.
Вы попробуйте немножко
Не соврать как Колотошка.
Я старался, я хотел,
Но не смог и не сумел.

Находулька

Находулька очень важный,
Ходит в шапочке бумажной.
Как выходит на обед,
Весь с иголочки одет.
Очень любит он окрошку
И собаку нашу Тошку.
Любит гладить и стирать,
И подарки разбирать.
Он «пожалуйста» не скажет,
Но и другу не откажет.
Надо? Так тому и быть,
Чтобы дважды не просить.
Он найдёт, что потерялось
И давно не попадалось
Даже Тошке на глаза,
Хоть наш Тошка егоза.
А меня он уважает
И до двери провожает,
Если в школу я спешу.
Я «спасибо» не скажу,
Я махну ему рукою,
Чтобы быть самим собою.
Он, конечно, засопит,
Улыбнется и простит.

Колобастик

Колобастик – он лобастый,
Непослушный и горластый,
И упрямый как индюк…
Я к нему пришел на стук.
Он стучал, не уставая,
Лбом (меня не узнавая)
Об осиновый пенёк.
Так стучал, что даже взмок.
Он набил большую шишку,
Это было даже слишком…
Я смолчать уже не смог:
«Ну, забудь ты про пенёк.
Поиграем лучше в салки,
Или просто в догонялки…»
Как он крикнет: «Не хочу!»
Как он топнет: «Затопчу!»
Он, конечно, был не в духе,
Колобастик лопоухий.
Я пришёл ему помочь,
Даже если гонит прочь.
Я нисколько не жалею,
Я тоску его развею
Даже, если он грустит
И от этого грубит.

Сладобудик

Сладобудик ест пельмешки,
Любит кашу и орешки.
Только тот его поймёт,
Кто взял сладкое – и в рот…
А живёт он, где придётся –
Там, где сладость подвернётся.
Я не знаю, почему
Приглянулся вдруг ему.
Он сказал мне: «Непорядок.
Что нет в доме шоколадок.
Я ведь если их не съем,
Настроенья нет совсем,
И тогда я так страдаю,
Что простужен и чихаю.
А болеть я не могу –
Меня ждут, я побегу…»
Шоколадка отыскалась –
У меня с утра осталась.
Я немножко не доел,
Потому что не хотел.
Он обрадовался очень…
А потом был озабочен –
Думал-думал пять минут
И сказал: «Останусь тут».

«Сладобудик, без обиды:
Твои руки не помыты.
Говорю тебе, как друг –
Чистота нужна для рук».
Он сказал: «Сейчас помою.
Дело важное, не скрою.
Ну, а ты, уж, где-нибудь
Мне покушать раздобудь.
Голодать мне не придётся:
Всё неси, что подвернётся.
Я подсчётами займусь,
И с тобою поделюсь».

Говорушик

Говорушик – просто друг.
Ходит с палкой – стук да стук.
Как услышу, просыпаюсь,
Съем банан и одеваюсь.
Выбираю книжку сам,
Чтоб читал он по слогам.
У него до пят футболка…
Он известный тараторка,
Ни минутки не молчит,
Скажет: «А» – и застрочит,
Как солдат из автомата,
От рассвета до заката.
Букв всего лишь тридцать три,
А попробуй, повтори
Всё быстрее и быстрее…
Как забудет – станет злее…
Только некого винить,
Надо азбуку учить,
Чтоб придумывать слова
Начиная с буквы «А».

Хлопотунчик

Наш Хлопотунчик весь в делах.
Хлопотунчик – просто «АХ»!
Всё хлопочет и хлопочет
(Правда, лишь, когда захочет).
То стирает он платок,
То игрушку поволок,
То всё семечки щелкает,
Или с птичками играет…
А как очень нашалит,
Всё на дереве сидит,
С веток листики срывает
И на землю их бросает.
Скажет только: «Вот так-так…
Ну, попал же я впросак…
Как же это получилось?
Быть не может, а случилось –
Всю тетрадь разрисовал,
Кукле платьице порвал,
А вчера, без разрешенья,
Съел из банки всё варенье…»
Покраснеет, словно рак.
(Не простит себя никак).
Я его не осуждаю,
Я и сам таким бываю…

Подкрадушка

Подкрадушечка-переда
Где-то ходит до обеда,
А потом ко мне спешит,
Только пузико дрожит…
Тихо встанет за спиною
И качает головою:
«Что-то мало здесь еды –
И баранок, и воды…
К пище я не прикасался.
Мой животик взбунтовался –
Он теперь урчит-урчит,
То притихнет, то шкворчит…
А теперь корми скорее,
Чтобы стало веселее.
Но не будем мы спешить,
Надо жажду утолить…».
Я отдал ему водичку.
Пил он долго по привычке,
А потом всё ел и ел
Очень много… И запел,
что «друзьям всегда мы рады»,
что «они для нас награда».
И что «дело не в еде, –
Друг придет к тебе в беде.

Пусть покой он твой нарушит
И с тобою просто дружит…».
Я его не прерывал
И тихонько подпевал.

Носопырка

Мне знакомый Носопырка
Показал в ботинке дырку.
Он простудится – и спит,
Только носиком сопит.
Звать меня он сам не станет,
Ждёт, когда болезнь устанет
И уйдёт своим путём –
Может ночью, может днём.
Я его не забываю,
Даже капли покупаю,
Чтоб ему закапать в нос
И не видеть его слёз.
А поправится немножко –
Смотрит в поле из окошка:
Может, кто-нибудь придёт,
Ну, хотя бы, старый крот.
Или ветреная крыска,
Та, которая Лариска.
Ну, а может, барсучок
Забежит на огонёк.
У меня с ним всё в порядке,
Каждый день играем в прятки.
На, а если он больной,
Я веду его домой.

А когда он спать уложен
Говорю одно и то же:
«Станет скучно – не грусти,
Будет время – навести».
Он зайдёт, ведь он мне верит.
Он моё вниманье ценит.
Принимает важный вид
И меня благодарит.

Гореватка

Я увидел Гореватку –
Повредил себе он пятку.
Он хотел поймать стрижа,
А наткнулся на ежа.
Наступил и испугался,
Закричал и разрыдался…
Показал язык ежу:
«Извиняйся, ведь я жду!»
Только ёж не понимает:
«Кто ж без обуви гуляет?
Ну, а раз не захотел –
Хоть бы под ноги глядел».
И добавил очень строго:
«Отдохни ещё немного
И почистись – весь в грязи.
Ну, а ты его неси!..»
Я кивнул, а ёж простился,
Хмыкнул раз и удалился.
С Гореваткой мы плутали…
Вспомню я теперь едва ли,
Где и сколько мы прошли,
Только дом его нашли.
Ранку йодом пропитали
И бинтами замотали.

Притомились невзначай,
Долго пили сладкий чай.
Всё окончилось неплохо –
Ну, поплакал, ну, поохал.
Оказалось, все не зря –
Стали мы теперь друзья.

Фантик

Собирает Фантик фотки
И конфетные обертки.
Их по полочкам разложит –
По-другому он не может.
Он ведь очень аккуратный,
Молчаливый и опрятный.
Мы недавно с ним гуляли
И тропинку протоптали.
По пути разговорились,
В лес вошли и заблудились…
Фантик даже съел конфету
И сказал мне по секрету:
«Вместе как-то веселее,
И надежней, и бодрее».
Мы устали, шли вразвалку,
Вскоре вышли на полянку.
На луну волчица выла –
Даже уши заложило…
Мы с ней рядышком присели
И завыли, как умели.
Просто все проголодались
(На полянке повстречались).
Выть волчице надоело
И она нас пожалела,

До опушки проводила
И домой засеменила.
Всё молчала и молчала,
А из чащи прорычала:
«Только тех лес принимает,
Кто его тропинки знает».

Скорлупашка

Скорлупашка-рассторашка,
У него большая пряжка.
Ну, а пряжка на ремне,
И блестящая вполне.
А ремень тот держит брюки,
Чтоб свободны были руки.
Так и ходит по дворам,
Появляясь тут и там.
Мы встречались, это точно,
Один раз так даже срочно.
Он на крыше гаража
В небо выпустил ужа.
Ветерок как разрезвился,
Уж бумажный так и взвился!
Скорлупашка не зевал,
Нитку он не отпускал.
Ужик долго не сдавался,
То парил, то кувыркался,
А потом не утерпел,
Вверх рванул и улетел.
Скорлупашка мне признался:
«Просто с ниточки сорвался,
Значит, очень захотел…
Как не стыдно, как посмел?

Мне придётся постараться,
Чтобы «с носом» не остаться.
Завтра сделаю опять
Может три, а может пять».

Горболейка

Горболейка ходит с лейкой
И метровою линейкой.
Чтоб без дела не лежать,
Любит кустики сажать.
По утрам их поливает
И линейкой измеряет.
Ими очень дорожит,
И над ними он дрожит.
А как только подрастают,
Их верхушки подрезают
Два задиристых щегла –
Чтобы изгородь была,
Дом колечком защищала
И войти не разрешала.
А ещё там есть мосток.
Приходи, коль ты дружок.
И надежно, и красиво,
И зверюшкам всем на диво.
Ведь на изгородь не влезть,
Ни сломать, ни перелезть.
Из неё торчат иголки –
Их боятся даже волки
И обходят стороной,
Выбирая путь иной.

Друга я не забываю,
Огород с ним поливаю –
И петрушку, и лучок,
И морковь, и кабачок.
Двери всем сюда открыты,
Окна солнышком размыты.
Ты улыбку приготовь,
Если в сердце есть любовь.

Табусик

Табусик любит не спешить
И птичкам хлебушек крошить.
Ещё автобусы рисует –
Они его интересуют.
Чтоб смог Табусик отдохнуть,
Везут его куда-нибудь.
Сегодня, вот, «не запылился»,
Без приглашения явился.
Хоть он меня и разбудил,
Ему войти я разрешил.
И обижаться тут не стоит –
Пускай он завтрак приготовит,
А я немножко подремлю.
Признаюсь, это я люблю.
Но, к своему стыду, я понял,
Что завтрак чуть не проворонил.
Ведь даже мышь, второго дня,
Оголодала у меня.
Но про неё мы не забыли,
И в магазине сыр купили,
Бананы, бублик, пирожок
И глазированный сырок.
Ну, а потом, как оказалось,
В карманах денег не осталось.

И мы, довольные собой,
Опять пошли ко мне домой.
А у дверей, на вид суровый,
Нас ждал мохнатый пёс дворовый.
Он ни секунды не молчал,
А только лаял и рычал.
Мы раздражать его не стали,
Кусочек бублика отдали.
Он улыбнулся, подмигнул,
И даже в нос меня лизнул.
Пускай пришлось его бояться,
Тут главное не растеряться.

Соринка

У Соринки всё не так,
Это знает даже рак.
Как в аквариум попал,
Всё он сразу и узнал.
У неё беда одна –
Целый день удивлена.
Если пальцем чешет нос,
Значит, вертится вопрос.
«Мне не терпится спросить:
Разве это может быть?
Ну, а если может быть,
Надо это не забыть».
А со мной она на «ты»,
Говорит: «Для простоты.
И не надо то, да сё,
Мне так легче, вот и всё».
Рак клешнями стук да стук,
У него ведь нету рук.
Так и вылез из воды,
Тут теперь не до еды…
От таких вот новостей
Покраснел ещё сильней.
А аквариум большой,
Не утащишь за собой.

Он нахмурился слегка,
И чихнул на паука.
А потом, не утерпел,
На Соринку посмотрел:
«Ах, прошу меня простить,
Я хотел бы уточнить –
Когда были у Совы,
Ты звала её на «Вы»».
Тут Соринка замерла:
«Что-то я не поняла.
Старшим надо угождать,
Старших надо уважать.
Они знают больше нас,
И мудрее в сотню раз.
И, должна я вам сказать,
Всем об этом надо знать!»

Разделинка

Разделинка из окна
Засмотрелась на слона.
Он стоял такой большой,
Очень грозный и живой.
В зоопарке он живёт,
И фигуру бережёт.
С Разделинкою не строг,
И со мной общаться смог.
Он слегка подслеповат
И немножко грубоват.
Как поднимет хобот свой,
И трубит над головой.
Замирают все вокруг,
Как услышат этот звук.
Разделинка как вскричит:
«Ну, когда он замолчит?
Ох, шустра я на слова,
Разделю слона на два».
А зеленый попугай
Заорал: «Давай, давай!»
Исходил он все моря,
Даже жил у дикаря
На пиратском корабле,
Был отчаянным вполне.

Знает много языков,
Нагрубить всегда готов:
«Ты дели так пополам,
Чтоб ходил он тут и там,
Чтобы хобот перед сном
Завязал морским узлом».
Слон услышал и вспылил,
Чуть на мышь не наступил.
Поперхнулся, зачихал,
Сел на землю и сказал:
«Чтобы что-нибудь решить,
Надо с числами дружить.
Их делить и вычитать,
Прибавлять и умножать.
Над задачками корпеть,
Не грубить и не болеть.
А тебя, гроза морей,
Ощиплю я до бровей».

Колечко

С Колечкой я знаком давно,
У нас есть правило одно:
Как утром выйду на крылечко,
Так закричу: «Привет, Колечко!»
Я сам придумал имя ей,
Ведь жить без имени трудней.
И это имя ей приятно,
Оно красиво и понятно.
Однажды из далеких стран
К нам возвратился капитан.
Он с корабля сошёл вразвалку,
В руке держал большую палку.
Её он в море зашвырнул
И нам лукаво подмигнул.
И тут, я очень удивился –
Дельфин из моря появился,
Зубами палку подхватил
И капитану возвратил.
Наш капитан вдруг рассмеялся,
Как будто с другом повстречался.
Есть у него какой-то ранг,
А звать его – Орангутанг.
Он трубку подарил недавно
Колечке – было так забавно

Смотреть, как, трубкою дымя,
Колечко грелась у огня
(Который жил в большущей печке),
И выпускала вверх колечки.
И после нескольких минут
Я понял, как её зовут.
Мы на дельфине покатались,
Замерзли очень и расстались…
Колечко с трубкою сидит
И всё за чайками следит.
Из дыма делает колечко,
И мне не скажет ни словечка…
А ветерок чуть-чуть вздохнёт,
Колечко вздрогнет и замрёт,
Исчезнет, словно с губ словечко,
И будет новое колечко…

Чаинка

У Чаинки – ни чаинки,
Ни лекарственной травинки,
Даже ягоды лесной,
Самовар и тот худой…
Я с кузнечиком на рынке
Покупал себе ботинки,
А железный чайник нам
Подарил гиппопотам.
Разговаривал с кукушкой,
А она ему на ушко:
«У Чаинки самовар
Прохудился – больно стар».
Он тогда сказал кукушке:
«А слетай-ка до опушки,
Ягод спелых набери,
Килограммов, эдак, три.
А лекарственные травы
Ты отыщешь у дубравы.
Белке шлю большой привет,
Жду сегодня на обед.
Передашь – и возвращайся.
Побыстрее постарайся.
И ещё совет я дам –
Не цепляйся к комарам,

А не то ведь осерчают,
Налетят и покусают».
Не прошло и двух часов,
Как десяток комаров
За кукушкой прилетели.
Видно, очень захотели.
А кузнечик со всех ног
К нам Чаинку приволок.
Хоть она и засмущалась,
И вначале упиралась,
Всё же чашки принесла,
Даже пряники взяла.
Только чайник увидала,
Покраснела и сказала:
«Это мне? О, Боже мой,
Я не знаю, что со мной…»
Я надел свои ботинки,
Чайник протянул Чаинке.
И сказал Гиппопотам:
«Это мой подарок вам…»
Вдруг Чаинка улыбнулась,
В ней желание проснулось
Попросив у пчёл медку.
Приготовила чайку,
Разлила его по чашкам.
Всем досталось, даже пташкам,

Даже злюкам-комарам,
Что зудят по вечерам.
Собирались понемножку
В круг и пели под гармошку.
Хорошо, когда под смех
Счастье делится на всех!

Пятнышко

Есть у Пятнышко ракушка
И большая погремушка.
А вчера на целый день
Доктор дал ей бюллетень.
И сказал: «Не помешает».
Он в болезнях понимает!
«Одевайся потеплей,
И холодного не пей.
А сейчас прими таблетку,
А потом я дам конфетку.
И прошу не забывать
Чаще горло полоскать».
Стала Пятнышко лечиться,
Чтоб с болезнью разлучится.
А на утро всё прошло,
Облегчение пришло.
Скучно Пятнышке без дела –
В дверь подушка полетела…
Я лицом её поймал,
Поскользнулся и упал…
Правый бок свой потирая,
Вдруг услышал: «Как больная?»
Появился доктор Лось.
Я сказал: «Всё обошлось.

Вот, кидается подушкой,
Бьет в ладошку погремушкой,
И улыбка до ушей,
Хоть завязочки пришей.
Постирать она решила –
Страшным криком оглушила:
«Жирным пятнам будет бой!
Я сказала: все за мной!»
Ну, не может без скандала,
Птиц – и тех перепугала.
Так скажите мне, какой
Так ведет себя больной?»
Доктор Лось сказал: «Похоже,
Мне придётся быть построже.
Хватит, Пятнышко, шалить,
Это надо прекратить».
Он у нас порядок любит,
Просто так ругать не будет.
Лучше мирно всё решать
И ему не возражать.
С Пятнышко я помирился,
На неё уже не злился.
Она просто подошла
И ракушку мне дала:
«В ней живет волна морская.
Что ж, дарю. Да, я такая.

Забирай на пару дней».
Что ты будешь делать с ней?
Вот, взяла и подарила,
А у доктора спросила:
«Что нам сделать, чтобы впредь
Постараться не болеть?»
Доктор Лось сказал: «Ну, что же,
Много важного, но всё же
Посоветую я вам
Душ контрастный по утрам.
Кушать фрукты с овощами,
Чтоб трещало за ушами.
Также ягоды важны,
Витамины всем нужны.
Это просто объеденье –
Настоящее варенье.
И ещё не забывать
Гигиену соблюдать».

Лужица

Кушает Лужица спелую грушу,
Смотрит внимательно в чёрную лужу.
Я подошёл к ней и рядышком встал:
Что ж, поскучаю, хотя и устал.
Мне очень нравится быть молчаливым,
Были бы только бананы и сливы.
А если нет их, ну, что мне терять?
Съем даже грушу и буду молчать.
Лужица грушу из сумки достала,
Мне отдала и плечами пожала:
«Я здесь уже целых десять минут.
Слышу, как кошку котята зовут.
Пёс за ней гнался… Не будет дразниться,
Вечно с котятами ей не сидится.
В лужу смотри – вон на ветке сидит,
Слазить боится, от страха дрожит.
Надо бы с дерева снять замарашку,
Хоть виновата, да жалко бедняжку…»
Вдруг, что-то хрустнуло над головой,
Лужица только воскликнула: «Ой!»
Я тоже вздрогнул, но так уж случилось:
Ветка сломалась, и кошка свалилась.
И не куда-то, а в лужу спиной.
Нас окатила холодной водой.

Только недолго она так лежала –
Перевернулась и медленно встала:
«Да, я упала, мне трудно дышать,
Так начинайте меня утешать.
Просто скажите: «Ох, бедная кошка…»
И приютите её на немножко.
Что вы стоите? Ведите домой».
И закричала: «Котята, за мной!»
Кошку с котятами мы приютили,
Всех их помыли, потом накормили.
Лужица только вздохнула: «Ну, вот,
Жить веселей, когда много хлопот.
Здесь даже мухам неплохо живётся,
Что мне, любимой, теперь остается?
Скучно, и некому слово сказать,
Лучше уж в море рыбок пугать».
Кошка запрыгнула в кресло-качалку:
«Завтра все вместе идём на рыбалку.
Нечего бедненьких рыбок пугать,
Будем ловить их и мне отдавать.
Я обещаю – скучать не придётся,
Станем жить вместе, а пёс обойдётся…
Но, если хочет, то можно простить,
Я извиню его, так уж и быть.

Пусть он угрозы свои позабудет
И на меня больше лаять не будет.
С ним обещаю дружить даже я –
Каждому нужен и дом, и семья».

Гуляша

Всем гостям Гуляша рада,
И другого ей не надо.
Похихикать, поорать –
Ей уже не привыкать.
У хозяйки всё «тип-топ»,
Её знает даже клоп.
Моль, и та не забывает,
По-соседски залетает.
Вечерами за столом
Собираемся втроём:
Я, Гуляша и зайчиха –
Первоклассная пловчиха.
У неё второй разряд,
Вроде взрослый, говорят.
Мы с ней очень подружились,
Даже плавать научились.
И Гуляша, как смогла,
Стометровку проплыла.
Ей, конечно, страшно было,
Но она не отступила.
После выпила сироп
И пропела: «Все «тип-топ».
Я сказал ей откровенно:
«У тебя талант, наверно…»

А Гуляша мне в ответ:
« У меня сомнений нет.
Но не будем расслабляться,
Всем нам стоит прогуляться».
Мы гуляли дотемна,
Но не наша в том вина –
Соловей нам повстречался
И на славу постарался:
Показал нам без затей
Белоснежных лебедей.
Мне зайчиха прошептала:
«Я такого не видала.
Лебедей тут пруд пруди,
Хоть совсем не уходи.
Это стая, так уж стая,
Красотища-то какая!»
Соловей не утерпел:
«Я порадовать хотел…»
А Гуляша перебила:
«Молодец, вот это сила!!!»
Не сдержался даже я:
«Прогулялись мы не зря.
Не пора ли возвращаться,
С лебедями попрощаться?
Предстоит им дальний путь,
Значит, надо отдохнуть».

Мы руками им махнули
И обратно повернули.
Всю дорогу для друзей
Голосистый соловей
Выводил такие трели,
Что мы все не утерпели –
Долго хлопали ему,
Как, наверно, никому.
Он старался не напрасно,
Потому что было классно.
Не жалея птичьих сил
Взял, и чудо подарил,
С нами чувствами делился,
Чтобы каждый им гордился.

Фонарита

Отдыхает Фонарита,
А посуда не помыта,
Не заправлена кровать…
Отчего ж не помечтать:
«Вот, я как возьму и встану,
Враз лениться перестану.
И тогда одно скажу –
Дома я не усижу.
Загляну на птичий рынок,
Хоть разочек, без ботинок.
А на рынке детвора
Собирается с утра.
Там скучать мне не придётся,
Может, случай подвернется
И куплю я хомяка,
И котёнка, и щенка.
Буду с ними вечерами
Я гулять под фонарями
Летом, осенью, зимой,
И, конечно же, весной».
Я мечты её подслушал,
Потому что не покушал –
Вот, подумал, навещу,
Заодно перекушу.

Я в раскрытое окошко
Поглазеть решил немножко,
И случайно услыхал
То, что я вам рассказал.
На окне сидела мушка,
Фонаритена подружка,
Удержаться не смогла
И сказала: «Ну, дела…
Фонарита, это смело…»
И к подружке подлетела,
Ей уткнулась прямо в нос
И сказала: «Не вопрос!
Я с тобой хоть на край света.
Можно «зайцем», без билета.
Детвора нас подождёт.
Подкрепимся, и – вперёд!»
Я, конечно, рад стараться,
Чтоб голодным не остаться.
Согласился: «Решено,
Хоть в театр, хоть в кино.
Но! Желудок мой считает,
Нам поесть не помешает.
Фонарита, поскорей
Накорми своих друзей!»
Ели рыбу и котлеты,
Фрукты, овощи, конфеты.

С пирогами пили чай
И…заснули невзначай.
Мы до вечера проспали
И на рынок не попали.
Просто вдруг не стало сил…
И никто не разбудил.
И тогда мне стало ясно:
Лень – ужасна и опасна!
Коль она к тебе пришла,
Прогони, и все дела!

Побрякушка

Побрякушке запах кожи
Очень нравится, похоже…
Как она мне говорит:
«Он заводит и бодрит.
Так и тянет бить в ладоши
И прохожим строить рожи…
Только это мне нельзя,
Так сказала стрекоза,
А еще она сказала:
«Собирай чего попало –
Пробки, стёклышки, значки,
Скрепки, камешки, крючки,
Кольца, запонки, серёжки,
Бусы, пуговки и брошки.
Чтоб без дела не ходить,
Время с пользой проводить.
В общем, надо постараться,
Чтоб хотелось удивляться
Всем непрошенным гостям,
И знакомым, и друзьям».
Даже гусь со мной не спорит:
«Надо выставку устроить.
Мы поможем, не грусти.
Чтоб мне с места не сойти!»

И тогда я вдруг решила,
Что доверье заслужила.
Это ясно и ежу,
Всё по полкам разложу.
Потолок поклею кожей,
Даже пол и стены тоже.
Чтобы были здесь всегда
И напитки, и еда.
Обращаюсь за советом:
Что ты думаешь об этом?
Замечаю за собой –
Что-то страшно мне порой».
Я подумал: «Не сдавайся,
Не ленись, хоть попытайся,
Чтоб потом не сожалеть,
Не вздыхать и не краснеть.
И в себе не сомневайся,
Но, смотри, не зазнавайся.
Вот возьми и соверши,
Что хотела – для души».

Чебурела

Чебурела щурит веки:
«Ох, люблю я чебуреки.
Верь-не верь, один их вид
Вызывает аппетит.
Вот возьмёшь их сразу пару,
Чтобы были с пылу, с жару,
Ну, а лучше сразу три,
Чтобы слюнки потекли.
И тогда мне сразу ясно –
Жизнь чудесна и прекрасна.
Слышишь, птички как поют?
Отдохнем хоть пять минут.
Не хочу сидеть на лавке,
Полежу-ка я на травке».
Я ничуть не возражал,
Я и сам бы полежал.
Но из дома взял я книжку
Про весёлого мальчишку.
Чтобы время не терять,
От чего ж не почитать?
У меня осталась пицца,
Захотелось поделиться.
Самый лакомый кусок
Чебуреле приберёг.

Просто будет ей приятно,
Отдохнув, поесть бесплатно.
И кваском запить еду
У пернатых на виду.
Заодно теперь узнают,
Как у них здесь отдыхают.
Ну, а крошки тут и там
Пригодятся воробьям.
Чебурела прошептала:
«Я об этом не мечтала…
Отдохну, наемся всласть».
И на травку улеглась.
За пичугой наблюдала,
А ворону прозевала.
Ей пришлось теперь узнать,
Как вороне доверять:
К нам подкралась, как умела,
Хвать кусок – и отлетела.
Притаилась у кустов,
Стала есть без лишних слов.
Чебурела как вскричала:
«Что ты, с дерева упала?»
А ворона: «Кар да кар-р-р».
Воробьи галдят: «Кошмар!»
Тут пичуга завопила:
«А даёшь её на мыло!»

Чебурела палку хвать –
За вороною бежать.
Но споткнулась и упала,
И ворону не поймала.
Заболела вдруг нога,
Поясница и рука.
Тут ворона заявила:
«Это было очень мило,
И скажу тебе, что впредь
Надо под ноги смотреть.
Я, конечно, увлекаюсь.
Согрешила, извиняюсь,
И прошу меня простить…
Исчезаю, так и быть…»

Непутёха

Непутёха хоть не птица,
Но летает заграницу.
Каждый раз её в полёт
Приглашает самолёт:
«Добрый вечер, Непутёха,
Вижу, выглядишь неплохо.
Если есть с собой билет,
Полетишь, вопросов нет.
Долетим, не сомневайся.
Проходи, располагайся.
Я надеюсь, что не зря
Будут ждать тебя друзья.
Видишь, как переживают,
Словно в космос провожают.
Про подарки не забудь,
Привези им что-нибудь…»
«Да, – сказала обезьянка, –
Очень грустно без подарка».
Непутёха ей в ответ:
«Может, да, а может, нет».
Я вспылил: «Не будем спорить,
Будем нервы экономить.
Непутёха, не зевай,
И билет свой доставай.

Как сказали бы в народе:
Отоспишься в самолёте.
А теперь тебе пора.
Ну, ни пуха, ни пера!»
Непутёха тут вздохнула,
Даже в сумку заглянула:
«Ну, и где же мой билет,
Почему его здесь нет?
Я в руках его держала,
Никому не отдавала.
Обезьянка, может ты
Знаешь, где его найти?»
Обезьянка промолчала
И плечами лишь пожала,
Посмотрела на меня.
Я сказал: «Причём здесь я?
Ситуация знакома –
Ваш билет остался дома».
Улыбнулся самолёт:
«Торопитесь! Мне в полёт.
Подожду я вас немного».
И добавил уже строго:
«Как шепнула мне оса,
У вас есть лишь полчаса,
А она шутить не станет,
Расписанье точно знает.

Если план у вас готов,
Больше дела, меньше слов».
Время мы терять не стали,
К Непутёхе побежали.
Хоть живёт недалеко,
Но добраться нелегко –
Через поле, вдоль оврага,
Мимо старого барака,
Ну, а дальше за холмом
Приютился старый дом.
Торопились не напрасно,
Это стало сразу ясно.
В доме было много мух.
А больших – не больше двух.
Непутёха им сказала:
«Я билет свой потеряла».
Ну, а мухам горя нет:
«Под подушкой твой билет».
Непутёха завизжала,
Хвать билет, и побежала.
Мы за ней – чего стоять?
Догонять, так догонять.
Впереди летели мухи
Собирать чужие слухи.
Обо всём им надо знать,
Языками почесать.

Хоть и было нам не сладко,
Но успели на посадку.
Самолёт нас увидал,
С облегчением сказал:
«Непутёха, между прочим,
Легкомысленна ты очень.
Полчаса твои друзья
Волновались, и не зря.
Все устали и вспотели.
А чего же вы хотели?
Надо память не терять
И её тренировать».

Книжина

У Книжины важный день –
В гости к ней пришёл Олень.
Заглянул и я случайно,
И сказал почти печально:
«Вечереет, так сказать.
Не пора ли погулять?
Вдруг монетка попадётся…
(А чего ей остаётся?)
Будем мы её копить,
Чтобы что-нибудь купить».
И Олень сказал: «Ну что же,
Загостился я, похоже.
Ты, Книжина, не серчай,
Замечательный твой чай.
Вечер выдался на славу.
Не пройтись ли нам в дубраву?
И потом. Как ни крути,
Надо к ворону зайти,
Чтоб отца поздравить вместе
С прибавлением в семействе».
Чай Книжина допила,
И сказала: «Поняла.
Мы возьмём с собою дружно,
Что для дома очень нужно.

Чтобы было, что читать,
Чтобы было, чем играть».
Взял Олень себе игрушку,
Мне доверили хлопушку.
А Книжина книжку хвать,
И давай её листать.
Огорчённо прошептала:
«Вот беда – картинок мало».
Покачала головой
И сказала: «Все за мной!»
Всю дорогу мы молчали,
Никого не повстречали.
Как к дубраве подошли,
Сразу ворона нашли.
Он на дубе поселился,
Там и сын его родился.
И теперь он восемь дней
Ждал непрошенных гостей.
Мы его, как увидали,
Всё терпенье потеряли –
Поздравляли, кто как мог.
Ну, а я так просто взмок.
Я сказал: «Я вам желаю…»
И добавил: «Поздравляю…»
Больше думать я не стал
И подарок свой отдал.

Ворон даже растерялся,
Но с подарком не расстался.
Улыбнулся и сказал:
«Я об этом не мечтал…
И спасибо за желанье
Подарить другим вниманье».

Надежана

Надежана так старалась,
Что взяла и потерялась.
За грибами в лес пошла,
Их, похоже, не нашла…
Хлеба тоже не купила,
Или где-нибудь забыла…
И теперь, ни дать, ни взять,
Надо мне её искать.
Я чуть-чуть разволновался,
Но не скис, не растерялся.
Надо будет в лес зайти.
Слава Богу, по пути.
Съел конфетку, слопал сушку,
И пошёл искать подружку.
Просто выбился из сил,
А её и след простыл…
Но зато нашёл корзину
В двух шагах от магазина.
Вот туда я и зашёл,
И к прилавку подошёл.
А за ним стоял серьезный
Продавец, большой и грозный.
И не кто-то, а медведь.
Отчего же не вспотеть?..

Я сказал: «Вы извините,
Если можно, помогите
Надежану отыскать.
Потерял её опять».
Поворчав, медведь ответил:
«Надежану я приметил.
Побыла здесь пять минут
И отправилась на пруд.
Между прочим, хлеб купила,
Да на лавочке забыла.
Приглашала заходить.
Загляну, уж так и быть…»
Я сказал медведю: «Ладно».
Хлеб забрав, пошёл обратно.
Ну, а он за мною вслед –
К Надежане на обед.
А она гостей встречает,
На крылечке поджидает.
И так скромно говорит:
«Заходите, стол накрыт.
Вы, пока сюда спешили,
Ничего не находили?
Волноваться мне пришлось.
Вся надежда на «авось»…»
«Находили, очень даже,
Вот корзинка, в ней пропажа…»

«Фу ты-ну ты, с плеч гора…
Спасена! Гип-гип, УРА!
Я так верила в удачу,
И надеялась в придачу…
Ох, права была лиса:
Есть на свете чудеса…»
Я сказал: «Тебя послушать,
Не захочешь даже кушать».
А медведь повёл плечом:
«Надежана, ты о чём?
Не придет из ниоткуда
Даже маленькое чудо.
Чтобы чудо получить,
Его надо заслужить».

Кинуля

Кинуле нравится давно
Смотреть хорошее кино.
Меня арбузом угостила,
В кинотеатр пригласила.
А я упрямиться не стал,
Хороший фильм я признавал.
А тут такое приглашенье,
И мировое угощенье.
Билеты в кассе я купил
И к ней под вечер заскочил.
Кинуля сумку подхватила,
В неё билеты положила.
Ногою распахнула дверь,
И мы пошли в ближайший сквер.
Там мы культурно отдыхали,
То говорили, то молчали.
Знакомый Страус подошёл,
Сказал: «Приветик!» – и ушёл.
К началу фильма мы успели
И по мороженному съели.
Чтобы без дела не стоять,
Пошли места свои искать.
Хоть в зале было многолюдно,
Найти нам было их не трудно.

Но без проблем не обошлось –
Нам предстояло сесть поврозь.
Пока по парку мы ходили,
А нас уже опередили.
Одно из кресел занял Крот,
В другом сидел сибирский Кот.
Кинуля даже рот раскрыла,
И чуть язык не проглотила,
Когда увидела Крота:
«Какой сюрприз, вот это да!
Мы с Вами, кажется, встречались,
Вы тоже фильм смотреть собрались?
И, если это не секрет,
Вам не мешает этот свет?»
Крот не смутился: «Между нами:
Спасаюсь черными очками.
Я в них всегда, когда светло».
А Кот сострил: «Вот повезло…»
Подумав, Крот ему ответил:
«Я это что-то не заметил.
Увы, и ах, болят глаза,
Ведь долго щуриться нельзя.
Ноя, друзья, не унываю,
И часто в обществе бываю.

Всегда люблю поговорить,
Других послушать, пошутить.
Ведь шутка смехом окрыляет
И всех друзей объединяет».

Расплакса

Стирала платьице Расплакса,
Чтобы совсем исчезли кляксы.
Она не ссорилась ни с кем,
И вдруг расплакалась совсем.
Что с ней случилось, я не знаю,
Но обязательно узнаю.
Пускай поплачет день-другой,
И всё пройдёт само собой.
А я всё время буду рядом,
И не обижу даже взглядом.
Ну, а пока я лишь сопел,
И неожиданно вспотел.
Я так, наверное, старался,
Что Зяблик взял, и рассмеялся.
На пару с маленьким сверчком
И очень вредным паучком.
Пускай я только притворялся,
Но не краснел и не стеснялся.
Смешно им стало, ну, и пусть,
А я на них не рассержусь.
Хотя знакомы мы недавно,
Проводим время очень славно.
Сверчок за печкою поёт,
Спать по ночам нам не даёт.

А паучок плетёт верёвки.
Как сам сказал: «Для тренировки».
И столько в доме паутин,
Что возмущён не я один.
Он только пот со лба стирает,
И рвать их нам не позволяет.
А зяблик, по его словам,
Спать не дает нам по утрам.
А на меня он разозлился:
«Ты здесь, похоже, загостился…»
А я домой не тороплюсь,
И у Расплаксы задержусь…
Она ж стирать не перестала,
Утерла слёзы и сказала:
«Я по-другому не могу,
Я свои нервы берегу.
И даром времени не трачу,
Как загрущу – чуть-чуть поплачу,
Попью коровье молоко,
И мне спокойно и легко.
Всю ночь читаю я газеты.
Там на вопросы есть ответы,
А в них встречаются слова,
Что просто кругом голова…
Мне выговаривать их внятно,
Скажу вам честно, неприятно.

А что там спрятано внутри,
Никто не знает, хоть умри».
Её мне слушать надоело
И я сказал: «Не в этом дело.
Ну, не цепляйся ты к словам,
И не грусти по пустякам.
Тебе секрет один открою:
Всегда быть должен под рукою
Орфографический словарь,
Как у дошкольников – Букварь».

Заноза

Сегодня встретил я Занозу –
Она влезала на берёзу.
Залезть Заноза не смогла,
Зато ладонь ободрала.
«Ну, вот, опять не получилось,
Наверно, лазить разучилась.
Но это было не всегда.
Чего стоишь, иди сюда!»
Приятно, что меня позвали
И как-нибудь не обозвали.
Хоть кто-то вспомнил обо мне
Кроме мурашек на спине.
Мне стало очень любопытно
И даже капельку обидно:
«Ну, как случилось, что она
Хотела сделать всё одна?
И никому ни полсловечка,
Ни мне, ни дятлу, ни овечке.
А я, конечно бы, сумел
Помочь ей, если б захотел».
И только я уже решился,
С овечкой дятел появился.
И сразу к дереву прилип,
Потом сказал: «Ну, ты и влип…

Давай, Заноза, не стесняйся.
Что натворил он? Признавайся.
И не смотри, что мы втроём,
На помощь мошек позовём».
Овечка тоже не смолчала:
«Я б руки бантиком связала,
А лучше на лысо подстричь,
Чтоб он был гладким, как кирпич».
«Он ни при чём. Чего ворчите?
Занозу слушать не хотите.
А мне пора уже начать
На небе звёздочки считать,
Чтоб мои нервы успокоить…
Вам волноваться так не стоит.
Я тут просила у сома
Найти мне что-то для ума.
Я так, наверное, старалась,
Что через час проголодалась.
А он как крикнет: «Не мешай!
Иди кузнечиков считай!»
Но ночью ничего не видно.
Вот грубиян! А мне обидно.
Ну, что тут делать, как тут быть?..
А может в Африку уплыть?..
Отвлечься каждому полезно…
И я на дерево залезла.

Глаза на небо подняла
И оторваться не смогла.
Я от восторга рот раскрыла,
Совсем про Африку забыла.
Мне захотелось полетать,
Но что-то начала зевать.
Пока же с дерева слезала,
Заноз я встретила немало.
Ну, а когда домой пошла,
Мне мысль хорошая пришла –
Считать овечек тоже можно,
Но только на ночь, осторожно,
Чтобы бессонницу прогнать
И потихоньку засыпать.
А если кто-то вас расстроит,
Не унывайте. Что вам стоит?
Вместо того, чтобы молчать,
Уж лучше звезды сосчитать».

Ненужлики

Под Новый год в лесу я оказался.
Зачем? Не помню. Помню, потерялся.
Одни лишь ёлки выстроились в ряд.
И я пошёл, куда глаза глядят.
Хотелось спать, и было не до смеха,
А за спиной смеялось злое эхо.
Мне испугаться не хватило сил,
И я лишь только пальцем погрозил.
Ходить по лесу я не научился,
А, заблудившись, очень огорчился.
Но вдруг увидел маленький костёр.
Я не поверил и глаза протёр.
Но исчезать костёр не торопился,
И я к нему приблизиться решился.
И тут я понял: как же я устал!
Сел на бревно и сразу задремал.
И вдруг мне что-то к сердцу подступило,
Приподняло и в танце закружило.
Не знаю, сколько времени прошло.
Открыв глаза, я понял: рассвело!
Два незнакомца у костра сидели
И на меня внимательно глядели.
Я их спросил: «Хотелось бы узнать,
Как мне вас нужно будет называть?»

Они в ответ: «Мы это не скрываем.
Ненужлики себя мы называем.
Пусть ты случайно в гости к нам попал,
Поверь, ты ничего не потерял.
Наш дом в лесу, и в нём
живём мы дружно.
У нас всё есть, а больше нам не нужно.
Хотя, не скроем, есть одна беда –
Костёр наш появлялся не всегда.
И вот, сегодня, наконец, проснулся,
На краткий миг из прошлого вернулся.
Пока ты спал, он был неутомим,
С тобой делился знанием своим.
Почти сто лет мы это чудо ждали,
И о подобном даже не мечтали.
Где б ни был ты, запомни, что всегда
Ненужликов ты встретишь без труда.
Пусть место встречи нашей неизвестно,
Без приключений жить не интересно.
А силу, что тебе земля дала,
Используй лишь на добрые дела.
Ведь ты теперь поймёшь язык природы,
И ближе станут все её заботы.
Ну, а пока пора тебе идти.
До новой встречи, доброго пути!»
Чтоб мне опять в лесу не потеряться,

Ненужлики мне стали попадаться.
Они встречались вместе и поврозь,
И с каждым мне здороваться пришлось.
Толпой меня до дома проводили,
И даже в свои тайны посвятили.
Ну, а потом не стало никого,
И было очень грустно от того.
Но мысль одна меня не покидала,
Что жизнь моя теперь другою стала.
А это только может означать:
Мне будет больше некогда скучать.

Друзья

Я не думал ни о чём,
Поздоровавшись с Сычом.
Торопился он на пляж,
Ну, а я на свой этаж.
Дверь открыл своим ключом,
А собачка ни при чём –
Лапами упёрлась в грудь.
Мне ни охнуть, ни вздохнуть.
Только я не возражал,
Сколько смог, её держал.
А потом на попу сел…
Было больно, я терпел.
Неудобно говорить:
Мне хотелось нагрубить.
Я её не поругал,
Только ушки потрепал.
Я сказал ей: «Хорошо».
Встал, и в комнату пошёл.
И заметил: «Не сиди,
Дверь закрой и заходи».
Сыч на пару с мотыльком
Прилетел к нам на балкон.
Он, наверно, загорел,
Только я не разглядел.

Мотылёк, съев мой грильяж,
Пригласил нас всех на пляж,
Чтоб на солнышке успеть
Свои крылышки погреть.
Сыч ответил, чуть дыша:
«Да, идея хороша».
А собачка говорит:
«Это нам не повредит».
Я ответил невпопад:
«Главное, чтоб не был град».
И добавил от себя:
«Куда вы, туда и я.
Но прошу иметь в виду:
Я на море не пойду.
Чтоб не мучила жара,
Я на пляж схожу с утра,
Чтоб в одиннадцать часов
Был домой идти готов.
А затем после пяти
Можно заново идти.
Чтобы злые волдыри
Прицепиться не смогли,
Не замучили совсем,
От загара нужен крем.
Его в тюбики кладут
И в аптеках продают.

Коль здоровьем дорожишь,
Никогда не обгоришь».
Я нисколько не шутил,
Даже пальцем погрозил.
Хоть я строгим был вполне,
Хорошо с друзьями мне.
Чтоб друзей таких иметь,
Надо каждый день хотеть
В отношениях таких
Прежде думать о других.

Рыжий пёс

Шёл по снегу босиком
Рыжий, рыжий пёс.
Облизал он языком
Мой замёрзший нос.
Будем мы теперь гулять,
Просто так, ну, вот.
Завтра встретимся опять,
Если он придёт.
Вокруг дома мы кружок
Сделаем большой.
Рыжий пёс теперь Дружок –
Мне с ним хорошо.

Разговор под дождём

Вчера сказала мне ромашка:
«По лепестку ползёт букашка.
Скажи мне, кто её просил?
Щекочет так, что нету сил».
Ну, я сказал тогда букашке:
«Зачем ты мучаешь ромашку?»
Намёк букашка поняла,
Ко мне на пальчик заползла.
Букашка чуткой оказалась,
Хотя ромашка сомневалась.
Поговорив о том, о сём,
Мы оказались под дождём.
Он был грибной, как оказалось.
Сквозь капли солнышко смеялось.
И в этой птичьей тишине
Мы были счастливы вполне.
На мне промокла вся одежда,
Но, всё же, теплилась надежда:
Когда все капли упадут,
Дождь будет там, где его ждут,
И, позабыв свою усталость,
Подарит солнечную радость,

Природу сонную разбудит,
Чтоб свежестью дышали люди.
Как хорошо, что мы втроём
Вдруг оказались под дождём.

Веснушка

Весной Веснушка вся в веснушках –
Моя хорошая подружка.
Бывало, скажет: «Что сидишь
И на Веснушку не глядишь?»
Ну, я, конечно, покраснею.
И говорю: «Ищу идею,
Чтоб настроенье не терять,
Чтоб не вздыхалось, так сказать».
Меня Веснушка понимает,
И настроенье поднимает:
«Не торопись грустить пока,
А посмотри на облака.
Они всегда лишь только в белом,
Чтобы легко вздохнуть всем телом.
И этот облачный полёт
Тебя от грусти отвлечёт.
Коль с настроеньем очень дружен,
То и друзьям ты будешь нужен.
Вот, я в веснушках быть должна,
И, значит, солнышку нужна».
Я огорчаться передумал,
На облака смотрел и думал:
«Мы все кому-нибудь нужны.

Друзья для каждого важны.
Веснушка дома много вяжет
Для всех, ну, кто чего закажет:
То свитер тёплый, то носки –
Чтоб быть подальше от тоски.
И вот за это, между прочим,
Её мы любим, даже очень.
Друзьям Веснушки повезло,
Ведь она дарит им тепло».

СОДЕРЖАНИЕ

Свой взгляд на мир 2

Колокола души

Флаг надежды 3
Две берёзы 5
Свет 7
Колокола души 8
Крест горечи 9
Сквозь молитву 11
Огонь шального века 12
Парус земли 13
Пот отцовства 14
Сплетение судеб 16
Лист мудрости 18
Перед иконой 19
Молитва матери 21
Утро Софьи 22
Художник 24
Мир – миру 25
Счастливый человек 27
Точка 29
Бабий век 30
Оконная ночь 31
Метро московское 33
Арбатский уют 34

Мысли вслух 35
Сосны памяти 37
По кругу 39
Сердце Москвы 40
Пряничная копейка 42
Порыв души 44
Полёт 45

Капли любви

Собачья верность 48
Беспросветная жизнь 49
В осенней колыбели 50
Упрёк женщины 51
Глубинка 52
Вот жизнь 53
Божественная мелодия 55
Полёт птенца 56
Путь 57
Он 58
Хотя бы раз 59
Зерно пессимиста 60
Прости 61
Копейка 62
Уныние 63
Солдатская жалость 64
Спасение 65
Подарок 66

Молись! 67
Чудо 68
Путь грешника 69
Глоток надежды 70
Узел 71
Поцелуй 72
«На посошок» 73
Пуля снайпера 74
Отражение 75
Муравей 77
Прорыв в вечность 79
На кладбище 80
Цена дружбы 81
Детский разговор 82
Материнская любовь 84
Капля Руси 85
Крик 86
Встреча 87
Берёзы 88
Шаг 89
Моя мама 90
Рябиновая нежность 91
Воспоминание о селе Златоустовка..... 92
Затрещина..... 93
Последний стон 94
Ночь памяти 96
Миг тишины 97
Вёрсты совести 98
Вселенский грех 99

Продолжение рода 100
Не знаю 102
Война как война 103
Прикосновение 104
Годы мудрости 105
До встречи 106
Московская сага 107
Свет улыбки 108
Крестный ход 110
Город стужи 112
Дерево жизни 114
Порыв 115
Разговор по душам 117
Седина времени 119
Благодарю 120
Память 121
Капли любви 122
Бесценная жемчужина России 124
Тепло сердец 126

Победоносцы

Причастие 128
Больше жизни 134
Медаль «За отвагу» 139
Мать 145
Медведь 151
Волчья жизнь 157

Победоносец 166
Голуби 175
Во имя жизни 179
Торжество жизни 184

Кафе памяти (гео-пьеса) 191

Детский Мир
(стихи для детей)

Печенюшка..... 212
Полминутка..... 214
Почемука 216
Колотошка..... 217
Находулька..... 218
Колобастик..... 219
Сладобудик 220
Говорушик..... 222
Хлопотунчик 223
Подкрадушка 224
Носопырка..... 226
Гореватка..... 228
Фантик 230
Скорлупашка..... 232
Горболейка 234
Табусик..... 236
Соринка 238
Разделинка..... 240

Колечко 242
Чаинка 244
Пятнышко 247
Лужица 250
Гуляша 253
Фонарита 256
Побрякушка 259
Чебурела 261
Непутёха 264
Книжина 268
Надежана 271
Кинуля 274
Расплакса 277
Заноза 280
Ненужлики 283
Друзья 286
Рыжий пёс 289
Разговор под дождём 290
Веснушка 292

Николай Михайлович Косых

Тепло сердец

Редактор: Гревцев И.Д.

Дизайн обложки: Епихин М.Н.

Отпечатано в типографии «Принт-формула»
г. Москва
500 экз.